

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СМИ XX-НАЧ.XXI ВВ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 44.03.05. Педагогическое
образование по профилю «Русский язык и литература»
заочной формы обучения, группы 02031251
Карайченцева Александра Анатольевича

Научный руководитель
к.филол.н., доцент
Левина Э.М.

БЕЛГОРОД, 2018

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования эмоциональности и экспрессивности	8
1.1 Коннотация как «дополнительное содержание слова». Стилистические коннотации	8
1.2 Экспрессивность как выразительная категория языка	20
1.3. Понятие об эмоциональности	26
Глава 2 Эмоциональность и экспрессивность в публицистическом стиле	30
2.1. Особенности публицистического стиля	30
2.2. Эмоционально-экспрессивные средства языка в публицистическом стиле	33
2.2.1 Иностилевая лексика как средство создания эмоциональности и экспрессивности	33
2.2.2. Устойчивые сочетания как одно из средств усиления экспрессивности	36
2.2.3. Особенности функционирования речевых инноваций	38
2.2.4. Выразительные возможности церковнославянской лексики	41
2.2.5. Стилистические функции каламбура	46
2.2.6. Процесс метафоризации в газетном подстиле	50
2.3. Проект по теме «От школьных стенгазет и журналов к современной публицистике» (обобщение темы Публицистический стиль» 7-9 кл.)	54
Заключение	64
Литература	66

Введение

Слово *стиль* происходит от греческого *стилос* – палочка. В древности и в средние века писали стержнем из металла, кости, дерева. Один конец стержня был заострённым, им писали (на сырых глиняных плитках, на воощенных дощечках, на берёсте); другой – в виде лопаточки, им, повернув стержень – «стиль», «стирали» неудачно написанное. Чем чаще поворачивали стиль, чем чаще стирали неудачно написанное, т.е. чем требовательнее был автор к своему сочинению, тем лучше, совершеннее оно получалось. Отсюда — выражение «Часто перевёртывай стиль» (Гораций), т.е. исправляй сочинение.

Происхождение слова *стиль* проясняет суть стилистики. А именно: стилистика всегда связана с проблемой выбора. Одну и ту же мысль можно выразить по-разному. Поискам лучшего, оптимального варианта выражения мыслей (в данных конкретных условиях) и учит стилистика — наука о стилях.

Понятие функционального стиля является центральным в современной стилистике. Границы этого понятия чётко не обозначены, поэтому толкование термина стиль вызывает серьезные затруднения. «Проблема определения понятия «стиль» по справедливости считается одной из наиболее сложных и наименее решённых проблем стилистики» (Петрищева Е.Ф., 1984:162).

Идея функционально-стилистического разграничения языка была выдвинута ещё древними философами. На русской почве её конкретизировал и связал с жанровыми разновидностями литературы М.В. Ломоносов, создавший теорию высокого, среднего и низкого стиля («О пользе книг церковных в российском языке»).

Известно и другое, расширенное, метафорическое употребление термина стиль, приписываемое не совсем точно Бюффону: «Стиль – это человек» [Потоцкая 1974:13-14]. Довольно популярным, особенно в

западноевропейской лингвистике XX в., было понимание стиля как своеобразия речи индивида. В работах немецкого филолога Карла Фосслера (1872-1949), австрийского Лео Шпитцера (1887-1960) стилистика рассматривалась как учение об эмоционально-экспрессивных особенностях речи говорящего.

С этой точки зрения получалось: сколько индивидуальностей, столько и стилей. Фосслер и его последователи выдвигали на первый план экспрессивную функцию языка, а его основная, коммуникативная функция недооценивалась.

Большой вклад в развитие стилистики внёс французский лингвист Шарль Балли (1865-1947). Он справедливо полагал, что стилистика не ограничивается исследованием стиля отдельных писателей, а изучает выразительные средства языка, «аффективные категории», свойственные речи вообще. Важным этапом в разработке функциональной стилистики была деятельность Пражского лингвистического кружка, возникшего в 1926 году.

Функциональная система обогатилась плодотворными идеями отечественных языковедов, прежде всего А.М. Пешковского, Г.О.Винокура, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова.

Понятие функционального стиля не имеет единого толкования. Наиболее универсальное определение предложено в исследовании В.В. Виноградова. «Стиль - это общественно осознанная совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [Виноградов 1981:320].

Приведём другие определения функционального стиля.

«Функциональный стиль – это разновидность общенародного языка, используемая в определённой сфере общественной деятельности и

характеризующаяся известной совокупностью лексических, фразеологических, грамматических и отчасти фонетических признаков, часть из которых своеобразно, по-своему, повторяется в других языковых стилях, но определённое сочетание которых отличает один языковой стиль от другого» [Будагов Р.А., 1954:17].

«Функциональный стиль – это разновидность языка, имеющая определённую коммуникативную предназначенность и характеризующаяся особенностями в отборе, сочетании и организации речевых средств. Стиль определяется целями, задачами и ситуацией общения, другими словами, функциональной целесообразностью» [Пугач С.А., 1995:14].

По функционально-стилевой принадлежности все слова русского языка можно разделить на две группы: общеупотребительные и закреплённые за определённым стилем и воспринимающиеся за его пределами как неуместные.

Практически стили классифицируются не по одному, а сразу по нескольким принципам – функциональному и экспрессивному. Они соответствуют двум типам стилистического значения (стилистической окрашенности): функционально-стилевому и эмоционально-экспрессивному. Слова, имеющие стилистическое значение первого типа, в толковых словарях сопровождаются пометами разговорное, просторечное, официально-деловое, научное, а имеющие окраску второго – пометами высокое, торжественное, сниженное и т.д.

Язык как явление социальное выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой человеческой деятельности. Важнейшие общественные функции языка следующие: общение, сообщение и воздействие. Для реализации этих функций исторически сложились и оформились отдельные разновидности языка, характеризующиеся наличием в каждой из них особых лексико-фразеологических, частично и синтаксических средств, используемых исключительно или преимущественно в данной разновидности языка. Эти разновидности

называются функциональными стилями.

В соответствии с названными выше функциями языка выделяются следующие стили: разговорный (функция общения), научный и официально-деловой (функция сообщения), публицистический и литературно-художественный (функция воздействия).

Классификацию функциональных стилей можно представить в следующем виде:

Среди учёных получила признание концепция функциональных разновидностей языка, предложенная академиком Д.Н. Шмелёвым. Существует два типа речи – разговорная речь и язык художественной литературы и три стиля – официально-деловой, научный и публицистический [Шмелёв Д.Н., 1964: 92].

В современной лингвистике наблюдается интерес к выявлению и описанию элементов стиля в разных функциональных системах современного русского языка, причём особенно интенсивно изучается газетный подстиль как наиболее оперативный вид массовой коммуникации. **Актуальность** обращения к языку современной прессы стала условием: выбора данной **темы** – Особенности функционирования эмоционально-экспрессивной лексики в публицистическом стиле.

Цель работы – выявить роль эмоционально-экспрессивной лексики и описать особенности её функционирования в газетной речи. Эта цель определила следующие **задачи**:

- изучение теоретической литературы по данной проблеме;
- сбор фактического материала и составление картотеки;
- классификация и описание языкового материала, связанного с особенностями функционирования эмоционально-экспрессивной лексики в публицистическом стиле;

Объектом исследования стала эмоционально-экспрессивная лексика в публицистическом стиле

Предметом исследования являются языковые факты, служащие средством создания эмоциональности и экспрессивности в газетах. Наиболее яркие из которых фразеологические единицы, окказионализмы, церковная лексика, каламбур, метафоры.

Названные лексические средства были извлечены из газет **методом** сплошной выборки и дальнейшей классификации.

Текстовым материалом явились статьи и заголовки современной прессы. **Источником** выборки лексических единиц, создающих эмоциональность и экспрессивность текстов, послужили газеты «Белгородская правда», «Белгородские известия», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» периода с 1998 по 2005 годы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что положения, развитые в дипломной работе, и результаты анализа фактического материала будут способствовать более глубокому осмыслению вопросов функциональной стилистики.

Практическая ценность дипломной работы заключается в том, что материал данного исследования может найти применение в школе на уроках русского языка и литературы, на факультативных занятиях по углубленному изучению стилистики русского языка, стилистики художественного текста, лингвистического анализа текста.

1. Вопрос об эмоциональности и экспрессивности в лингвистической

литературе

1.1. Коннотация как «дополнительное содержание слова».

Стилистические коннотации

За последние десятилетия появилось немало работ, в которых при рассмотрении вопросов семантики слова уделяется большое место дополнительным значениям («созначениям»), называемым общим термином коннотация.

Однако понятие коннотации остаётся пока ещё недостаточно определённым теоретически, соответствующие языковые явления во многом не изучены.

Понятие «коннотировать» (con-notare), впервые возникшее в схоластической логике, получило широкое распространение в логистических исследованиях XIX века. Известный английский логик позапрошлого века Дж. Ст. Милль, рассматривая антитезис «экстенция-интенция», заменяет его антитезисом «денотация-коннотация» [Милль 1964:118]. Для Милля денотация имени – это субъект, а коннотация – характеристика этого субъекта, наше предположение о том, чем он является. Под коннотацией Милль подразумевал характеристики субъекта; не иметь коннотации для Милля равносильно не иметь никакого значения. Денотация объекта есть сумма коннотационных характеристик.

По мнению Милля, если данные объектом имена сообщают информацию, т.е. имеют собственное значение, то оно содержится в том, что они коннотируют, а не в том, что обозначают. Для Милля коннотация и есть собственно значение слова. Быть коннотирующим (иметь значение) – значит сообщать информацию, или подразумевать атрибут. Хотя все свойства предметов нам не известны, коннотации слова достаточно для того, чтобы установить его границы.

По Миллю, неконнотирующее имя есть то, которое обозначает или только предмет, или только признак. Напротив, коннотирующее прямо

указывает на предмет, а косвенно – на признак этого предмета, причём под предметом разумеется всё, что обладает признаком. Так, имена *Лондон*, *Джон*, *Англия* обозначают только предметы; *белизна*, *длина*, *добродетель* – только признаки, поэтому ни одно из этих имён не будет коннотирующим. Но *белый*, *длинный*, *добродетельный* – это имена коннотирующие. Слово *белый*, например, обозначает все белые предметы: *снег*, *бумагу*, *морскую пену* и т.п. – и косвенно коннотирует или указывает на признак белизны.

Милль указывает на важные следствия, вытекающие из разделения всех имён на коннотирующие и неконнотирующие. Он говорит, что частная неопределённость в созначении имён может быть безвредной только при соблюдении самых строгих предосторожностей. Действительно, одним из главных источников распушенности мышления является привычка употреблять соозначающие имена, не установив их соозначения и не составив об их содержании более точного понятия, чем какое получается при поверхностном обзоре обычно обозначаемых ими предметов. Люди говорят, а следовательно, и думают неотчётливо, довольствуются той же степенью осмысленности своих слов, какую влагает в слово «брат» и «сестра» трёхлетний ребёнок.

Однако понятие «коннотировать» осталось для Милля не вполне ясным. К словам, лишённым коннотации и, следовательно, не имеющим значения, Милль относил все собственные имена и обозначающие лишь субъект (*длина*, *добродетель*), в то время как *длинный*, *добродетельный* у него коннотируют.

В истории языкознания идея созначения впервые появляется в грамматике Пор-Рояль (1660). Логистически исследуя природу слов и их значений и выявляя соотношение между явлениями языка и категориями мышления, авторы грамматики А. Арно и К. Лансло усматривают основные различия между существительными и прилагательными в том, что первые обозначают объекты наших мыслей (субстанции), а вторые – свойства этих объектов (акциденции). Акциденциям как логическим категориям в

грамматическом плане соответствуют созначения [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975: 226-228]. Имя не может существовать само по себе, даже если оно имеет отчётливое значение; значение имени всегда сопровождается дополнительными (неясными) созначениями. Так, отчётливое значение слова *rouge* (красный) – это *rouger* (краснота), так как *rouger* прямо указывает на предмет, в то время как *rouge* в речи сопровождается неясными представлениями о предмете. Созначение представляет собой акциденцию субстанции. При освобождении имени от созначения образуются существительные: так, слово *homme* (человек) – это лишённое созначений *humain* (гуманный). И наоборот, с прибавлением созначений к словам, обозначающим субстанции, образуются прилагательные.

Со времени появления книги К.О.Эрдманна «Значение слова» (1900) идея созначения прочно вошла в языкознание. Говердовский В.И. в статье «История понятия коннотация» [Говердовский 1979:37] говорит, что первоначально Эрдманн характеризовал свою теорию значения программным высказыванием: слова есть знаки понятий. Но отсюда возникали трудности в вопросах синонимии: значил ли *Lowe u Leu* (лев) одно и то же? Для решения этой проблемы Эрдманн проводил троичное деление содержания слова: понятийное содержание, попутный смысл и чувственная ценность. Позднее последние два пункта закрепились в языкознании под общим названием коннотации.

После выхода книги Эрдманна семантические созначения стали широко исследоваться.

В трактовке Л. Блумфилда [Блумфилд, 1964: 156-164] коннотация есть дополнительная информация к десигнату, такие элементы значения, которые дополнительно несут информацию о существенных свойствах и признаках объекта. Л. Блумфилд был первый, кто выделил чисто семантические коннотации, относящиеся непосредственно к сфере сознания. Сюда относятся коннотации, связанные с употреблением слов различными

социальными слоями, в различных местных говорах, в различных жаргонах и сленгах. К этой группе относятся также коннотации, возникающие в заимствованных словах. Блумфилд выделяет также группу коннотаций, имеющих не интеллектуальную, а эмоциональную базу. Это коннотация эвфемизмов (от приличных форм до табу). Как известно, эти коннотации были предметом изучения стилистики Ш. Балли.

Первым, кто подверг всю систему коннотации семиотическому исследованию, был Л. Ельмслев [Ельмслев 1960: 369-373]. Ельмслев рассматривал коннотацию как признак, по которому говорящий делает выбор между различными субкодами (стилями, диалектами, жаргонами), ибо система коннотации по сути дела является знаковой системой. Индивидуальные члены каждого субкода Ельмслев называет коннотаторами. Коннотаторы противопоставлены сигналам. Разница между ними состоит в том, что сигналы могут быть отнесены всегда, к одному плану семиотики, что не имеет места в случае с коннотатором. Коннотатор существует в обоих планах семиотики – и в плане выражения, и в плане содержания.

В советской лингвистике коннотация понималась в большинстве случаев как эмоциональные элементы в значении слова. О.С.Ахманова даёт следующее определение коннотации: «Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т.п.» [Ахманова 1969: 203-204].

В лингвистическом энциклопедическом словаре встречаем следующее определение и описание коннотации: «Коннотация (ср. - лат. *connotatio*, от *connoto* – имею дополнительное значение) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказиального характера» (ЛЭС, 1990: 78). ЛЭС даёт широкое и узкое понимание термина коннотация. В широком смысле это

любой компонент, дополняющий предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придающий ей экспрессивную функцию. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для неё функции наименования, которая дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, то есть признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигура речи, мотивировавших переосмысление данного выражения.

В своей работе мы придерживаемся узкого понимания термина коннотация и в качестве рабочего считаем определение, данное в Словаре-справочнике лингвистических терминов: «Коннотация (от лат. *cum-con* – вместе, + *notare* – отмечать, обозначать) – добавочно-семантические оттенки, которые накладываются на основные значения слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непринужденности, фамильярности и т.д.» (Розенталь, Теленкова 2001: 75).

В последнее время в отечественном языкознании всё более укрепляется взгляд на коннотацию как неотъемлемую часть языковой системы, которая не может быть ограничена только стилистическими рамками: «Слова с коннотативным содержанием нельзя свести к чисто стилистической проблематике, потому что они всегда апеллируют к некоторому опыту человека, который возникает в результате его воспитания в данной культуре» (Верещагин, Костомаров 2003: 78-79).

Наиболее полно коннотация как сумма компонентов, входящих в семантическую структуру слова, представлена в книге Н.Г. Комлева «Компоненты содержательной структуры слова» [Комлев 2006: 105- 130]. По Н.Г. Комлеву, коннотация создаётся в процессе восприятия слов- знаков. Это конструирование основывается на соответствии каждому слову определённого содержания, выводимого из неопределённого множества

употреблений словоформ и имеющего определённую нейрофизиологическую базу в мозгу человека; в ходе общения людей эти содержания типизируются и стандартизируются. Н.Г. Комлев предлагает следующую систематизацию качественно различных сфер коннотации: представление, чувство, культурный компонент, компонент поля, уровень знания, мировоззрение.

Е. Славе в статье «Коннотация» [Славе 1976: 66] пришла к выводу, что употребляющийся в современной семантике и стилистике термин «коннотация» для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных значений в настоящее время ещё не получил достаточно ясного осмысления. Е.Славе полагает, что структурный анализ коннотаций должен основываться на семах, так как коннотация представляет собой остаток семы после исключения её денотативных черт. Автор указывает на возможность установления типологии коннотации в соответствии с её характером (референтный, социальный, моральный, аффективный) и степенью обобщения (от индивидуальных коннотаций к более общим).

В последнее время сфера коннотации в лингвистике сильно расширилась: выйдя далеко за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок, в которых она начинает своё существование, она захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке. Психологической основой коннотации являются ассоциации. В настоящее время в лингвистике выделены с достаточной чёткостью группы коннотаций: ситуативно-психологическими (коннотации, ироничности, эвфимистичности, мелиоративности, пейоративности, усиления), социально-лингвистическими (коннотация жаргонистичности, разговорности, книжности), локальными (коннотация диалектности), культурными (коннотации идеалогичности, культуры) и собственно языковыми (коннотации новизны, иноязычности, архаичности, терминологичности).

Изученный фактический материал позволяет считать, что под

коннотацией понимается та часть значения слова, которая обычно не рассматривается с помощью аппарата понятий лексикографии и тем не менее остаётся весьма существенной. Эту часть значений слов составляют те сопредставления, которые возникают у участников речевого общения в связи с созданием и воспроизведением высказываний.

Итак, лингвисты в структуре лексического значения выделяют компонент коннотативный. Но несмотря на то что в настоящее время коннотативному компоненту лексического значения посвящена обширная литература, понимание термина остаётся очень неоднозначным и противоречивым.

Самым сложным в решении вопроса о характере коннотативного компонента является даже не установление того факта, что он является многокомпонентным структурным образованием. По возможности однозначно лингвисты пытаются решить вопрос о том, в какой последовательности расположены в его иерархической структуре такие составляющие её языковые категории, как эмоциональность и оценочность, экспрессивность и образность.

Этот перечень отражает именно те «составляющие» коннотативности, которые либо традиционно включаются в её дефиниции, либо классифицируются как «составляющие составляющих».

В настоящее время в лингвистике явно наметились две концепции, функционально и иерархически по-разному разграничивающие конститuentы коннотации.

Одни исследователи склонны считать высшим уровнем иерархии экспрессивность, эмоциональность же и оценочность, наряду с образной мотивацией значения слова (если она имеется!), подготавливают его (слова) «экспрессивный эффект», т.е. явно относятся к уровням более низким.

Другие признают высшим уровнем эмотивность. Согласно концепции Ю.П. Солодуба [Солодуб 1997:54], коннотативный компонент лексического значения – это сложная иерархически организованная структура, верхним

уровнем которой является понятие **КОННОТАТИВНОСТЬ**.

Ближайший к этой вершине уровень представлен тесно взаимодействующими и неотделимыми друг от друга категориями **ОЦЕНОЧНОСТИ** и **ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ**: познание человека носит концептуально-оценочный характер, при этом любые типы оценок сопровождаются эмоциональными переживаниями личности.

Следующий уровень, непосредственно способствующий эмоционально-оценочному восприятию реалий действительности и различных её фрагментов, представлен в иерархии категорией **ЭКСПРЕССИВНОСТИ**.

Этот уровень, в свою очередь, имеет свои конститuentы, выполняющие роль субкомпонентов экспрессивности (и – опосредованно! – эмоциональности и оценочности).

В целом иерархическая структуру коннотативного компонента лексического значения Ю.П. Солодуб представляет в виде следующих взаимообусловленных и взаимодействующих уровней и соответствующих им языковых категорий:

КОННОТАТИВНЫЙ – КОННОТАТИВНОСТЬ

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ – ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ

ЭКСПРЕССИВНЫЙ – ЭКСПРЕССИВНОСТЬ

СУБКОМПОНЕНТЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ (КОННОТАТИВНОСТИ): ОБРАЗНОСТЬ И НЕОБРАЗНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА,

имеющие экспрессивный потенциал и реализующие себя на более высоких уровнях как эмоционально-оценочные и в целом коннотативные языковые средства.

Таким образом, «**КОННОТАТИВНОСТЬ**» представляет собой многоуровневую синтезирующую суперструктуру, именно поэтому она не может быть однозначно приравнена ни к языковым категориям

эмоциональности и оценочности, ни к языковой категории экспрессивности, ни тем более к языковой категории образности, являющейся одним из возможных субкомпонентов экспрессивности. Вместе с тем сформировавшийся на основе языковой категории коннотативности коннотативный компонент лексического значения является лишь одной из его составных и структурно значимых частей» [Солодуб 1997: 54].

Стилистической коннотацией языковой единицы являются те дополнительные к выражению предметно-лексического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства (компоненты значений), которые ограничивают возможности употребления этой единицы определёнными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию.

Эти стилистические признаки имеют постоянный характер и воспроизводимость в определённых условиях. По выражению Д.Н. Шмелёва, «значимым в слове является не только его «предметное» значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле» [Шмелёв 1977: 254].

Стилистическая коннотация – одно из центральных понятий стилистики. В лингвистической литературе этот термин обычно употребляется в качестве синонима не только к стилистическому значению, но и к стилистической окраске, маркировке, поскольку под ним понимается часть семантической структуры языковой единицы. В нашей лингвостилистической науке получили также распространение термины *дополнительная информация, стилистическое (коннотационное) значение, стилистическое созначение, окраска*. Все они обозначают то же, что и термин *стилистическая коннотация* - способность языковых элементов вызывать вне текста стилистическое впечатление, а в текст вносить «определённую настроенность» [Сорокин 1984: 116].

Если исходить из предмета стилистики, то в самом общем смысле стилистики значимыми в языке и речи следует считать все те языковые

средства и способы их употребления, которые способствуют достижению выразительности речи. Эффективной реализации коммуникативных задач в той или иной сфере и стилевой специфике последней. Это достигается как стилистически маркированными в системе языка (внеконтекстуальными), так и другими языковыми единицами. С этих позиций любая маркировка языковой единицы и закономерности её использования, отвечающие указанным задачам, являются стилистически отмеченными, то есть признаком стиля. В связи с этим стилистической оказывается не только отнесённость средств к определённой сфере, но и эмоциональность, экспрессивность, оценочность. Однако поскольку не ко всем этим случаям применим термин *значение*, то, вероятно, правомернее пользоваться обозначением *окраска*. Таким образом, допустимо синонимичное употребление обоих терминов (стилистические значения и окраски), что соответствует сложившейся традиции, либо объединение того и другого более общим словом – коннотация.

Стилистические коннотации по природе своей неоднородны. Можно говорить о трёх их разновидностях .

1. Оценка, отношение к содержанию языковой единицы заключены в самом её значении, например: *губошлёп, забулдыга, кляча, мешанина, книжонка, дуб (о человеке), тряпка (о мужчине)*. Здесь как бы опредмечивается и именуется само отношение к называемому предмету (в широком смысле слова) и само значение по природе своей коннотативно. Такие коннотации М.Н. Кожина называет **«собственно эмоционально-экспрессивными»**.

2. В самом логико-понятийном значении непосредственно не заключены оценка или отношение к предмету, но они как бы сопутствуют ему (в этом смысле выступают как созначения) благодаря тому, что языковая единица употребляется в контекстах, сфера употребления оценочной значимости, большей частью – высоких, торжественных либо сниженных. Например, *грядущий, стяг, стезя, очи* и т.п. М.Н. Кожина называет их

«традиционно-экспрессивными».

Заметим, что резкой грани между этими двумя разновидностями нет: традиционно-экспрессивная коннотация может нередко осознаваться как эмоционально-экспрессивная либо «переходить» в неё.

3. Коннотация заключается не в оценочности и выражении отношения к называемым предметам, а в отнесённости к обычной для языковой единицы сфере употребления, функциональной разновидности языка. Эти коннотации М.Н. Кожина называет **«собственно функциональные»**: *исходящий, дебет, истец; лабиализованный, гносеология, синхронизофазотрон; коммюнике, репортаж* и т. д.

Первые две разновидности коннотаций относятся к экспрессивно-эмоциональным и экспрессивно-оценочным, третья – к функционально-стилистическим. Эти две группы различаются между собой по степени окраски; весьма яркой – в первой группе (двух первых разновидностях, взятых вместе) и менее определённо и отчётливо выраженной – во второй, именно потому что первая связана с выражением оценочности, отношения, а вторая обычно лишь указывает на сферу употребления, сигнализирует о ней. Эмоционально-экспрессивная окраска как бы органически присуща языковой единице, в отличие от функциональной, которая обусловлена лишь преимущественным употреблением языковой единицы в той или иной сфере.

Термин «коннотация» используется в разных областях филологического знания. Это и лексическая семантика, и стилистика, и теория выразительности, и интертекстуальность. Коннотация в явном или в скрытом виде присутствует в концепт-анализе, в исследовании архетипов и мифологем обыденного сознания. Таким образом, с «коннотацией связывается широкий круг разнотипных явлений можно говорить об омонимии терминов, о постепенном размывании понятия» [Апресян 1995:322].

Коннотация включает «дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка» [Арутюнова 1991:104].

Коннотация предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества.

Коннотации представляют собой «разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определённое отношение к ним» [Ревзина 2001:146].

Понятие коннотации проникло в языкознание в XVII в. из схоластической логики.

С конца XVIII в. в лингвистике этим термином стали обозначать эмотивно окрашенные языковые элементы, например, в работах О. Эрдмана, Л. Блумфилда. Несмотря на значительное внимание к этой проблеме как зарубежных (Л. Блумфилд, К. Керброт, Оррекиони, А. Мартине, Ж. Молино), так и отечественных лингвистов (Л.Г. Бабенко, Ю.А. Бельчиков, В.И. Говердовский, О.С. Сапожникова, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, В.К. Харченко, В.И. Шаховский и другие), существуют различные теории и определения коннотаций; неоднозначно выделяются компоненты, входящие в состав коннотации.

По мнению Г.В. Токарева, наиболее популярными концепциями коннотации в отечественной лингвистике на сегодняшний день являются теории В.Н. Телия и Ю.Д. Апресяна. «Коннотация - это тот макрокомпонент значения, который включает в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность» [Телия 198:129].

С точки зрения содержания Г.В. Токарев делит коннотации на дескриптивные, интенсивные, оценочные, эмотивные. «Дескриптивным со- значением» он считает «несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности.

Экспрессивные коннотации интенсифицируют один из дескриптивных несущественных признаков (например, “пот” - “бесцветная жидкость, выделяемая подкожными железами”, дескриптивная коннотация - “усердно, до изнеможения”, экспрессивная - “очень”») [Токарев 2003:58-59].

Эмотивные со-значения, как считает Г.В. Токарев, всегда сопряжены с оценочными. «Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями» [Токарев 2003:58-59].

По мнению Т.В. Матвеевой, в коннотации выделяются следующие типы компонентов: а) эмоционально-оценочный; б) параметрический, то есть компонент интенсивности; в) стилевой; г) культурный. «Каждый из них в конкретном слове может быть единственным, а может сочетаться с другими» [Матвеева 2003:111-112].

Эмоционально-оценочный «отражает мнение говорящего о предмете речи», параметрический «указывает на предельную, значительно превышенную или, напротив, пониженную меру какого-либо признака предмета», стилевой - «на традицию употребления слова в одной из сфер общения». Культурный компонент коннотации «соотносится со знанием образа жизни, традиций, обычаев, мировоззрения народа» [Матвеева 2003:112].

Интересна позиция В.И. Шаховского, который содержание коннотативного компонента связывает «только с эмотивностью, а экспрессивность и оценочность относит к сфере денотации, хотя и не исключает связь эмотивности с экспрессией и оценкой» [Шаховский 1987:151]. Эмотивность у В.И. Шаховского возведена в абсолют. Не случайно исследователь предлагает «выделение в языкознании нового направления - эмотиологии (лингвистики эмоций) и вводит в научный обиход понятие эмосемы.

1.2. Экспрессивность как выразительная категория языка

Явления коннотации рассматриваются во многих лингвистических

работах. Так уже предпринимались попытки разграничить экспрессивность и эмоциональность. Такое разграничение дает Е. М. Галкина-Федорук: «... выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна» [Галкина-Федорук 1958: 121].

Отсюда следует, что понятие экспрессивного шире понятия эмоционального. «Эмоциональное значение связывается с нерасчлененной чувственной реакцией, в то время как экспрессивное связывается с вещественным значением; это усилительные оттенки, наслаивающиеся на основные» [Галкина-Федорук 1958: 121].

В.К. Харченко также разграничивает понятия оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности и описывает их как самостоятельные категории [Харченко 1976: 27].

Приведём некоторые понятия экспрессивности:

Авторы ЛЭС под экспрессивностью понимают «совокупность семантико-стилистический признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» (ЛЭС, 1990: 591).

И.В. Арнольд считает, что экспрессивность – «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего и имеет своим результатом эмоциональной или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть, образным» [Арнольд 1975: 15].

«Понятие экспрессии, – пишет в своей статье «Экспрессивные свойства синтаксических структур» Г.Н. Акимова, – имеет в лингвистической литературе различные толкования как применительно к языку вообще, так и к различным его уровням. Точный перевод самого слова экспрессия – «выражение» вызывает мысль об экспрессивности языковых средств как их выразительных возможностях, т.е. специально стилистическом приеме» [Акимов 1988: 5-20].

Этому противостоит другая точка зрения, которая основана на смешении экспрессивного и эмотивного (аффективного) в языке. Д.С. Писарев, который относит экспрессивность к прагматическим категориям, также отмечает, что во многих исследованиях не всегда четко проводится разграничение понятий эмотивности и экспрессивности. Категории «эмоциональность» и «экспрессивность» являются соотносимыми, а главное различие между ними состоит в следующем: если основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой деятельности, то экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности, его эстетической характеристики. Таким образом, экспрессивность – это категория, ориентированная на адресата, то есть имеющая прагматическое значение» [Писарев 1983: 121].

Проблема экспрессивности является одной из кардинальных лингвистических проблем. Она изучается с разных точек зрения, в разных аспектах, но тем не менее остаётся, по выражению В.Н. Телия «одной из наиболее «размытых» областей исследования, которая в настоящее время распределяется между стилистикой, семантикой и прагматикой речи» [Телия 1991: 7].

К числу наиболее распространенных точек зрения относится трактовка этого понятия как некоего «суммарного итога, совокупного продукта, создаваемого целым рядом субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначенному». Под экспрессивностью при этом понимается «не нейтральность речи, отстранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность» [Телия 1991: 6-7].

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой экспрессивность – это один из компонентов коннотации, которая наряду с функцией номинации, признаётся одной из важнейших функций слова. Это точка зрения Солодуба Ю.П. [Солодуб 1997: 54].

Бесспорно, что коннотация и экспрессивность – это два взаимосвязанных понятия. Определяя соотношение между этими понятиями,

В Словаре-справочнике лингвистических терминов предлагается следующее определение экспрессии: экспрессия (лат. *expressio* – выражение) – выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексически, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами).

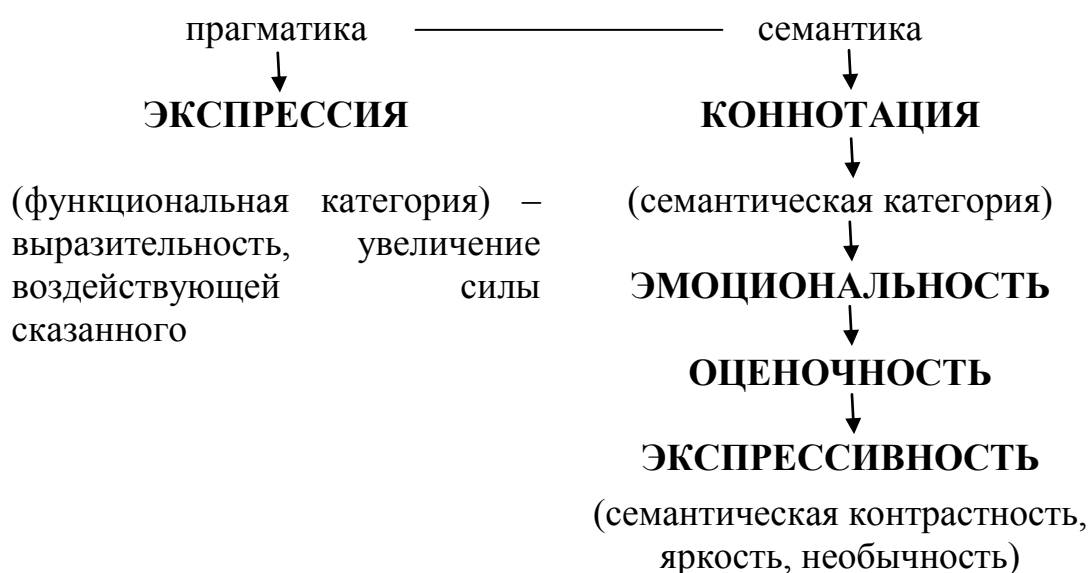
Здесь же, экспрессивный - содержащий, сообщающий экспрессию [Розенталь, Теленкова 1976: 247].

Подчинённое положение экспрессивность занимает как компонент коннотации, которая способствует выражению с помощью необычного средства эмоционально-оценочного отношения к тому или иному явлению действительности.

Оценочность и эмоциональность занимают главенствующее положение. В основе экспрессивности – семантическая контрастность, т.е. яркость и необычность лексического значения слова по сравнению с нейтральным наименованием. Как писал В.В. Виноградов, «в самом языке, а вовсе не в психологии говорящих и пишущих, кроме звуков, форм и знаков, есть нечто, а именно экспрессия, принадлежащая звукам, формам и знакам» [Виноградов 1981: 244].

С этой точки зрения противопоставляются, например, слова: *суд и судилище, реакционер и ястреб, миротворец и голубь*. Из приведённых примеров неэкспрессивными являются слова *суд и реакционер* (последнее не обладает экспрессивностью и содержит эмоциональную оценку).

Проанализировав такое соотношение между экспрессией и коннотацией, а также взаимоотношение компонентов коннотации, эта иерархия может быть представлена в виде следующей схемы:

Интересным представляется соотношение таких компонентов коннотации, как оценочность и экспрессивность. Чаще всего эти компоненты сосуществуют в одном слове, т.е., если субъект хочет выразить эмоциональное отношение к тому или иному явлению, он избирает экспрессивные языковые средства. Однако не всегда эмоциональная оценка совмещается с экспрессивностью. Ср. слова: война – мир, миролюбие – агрессивность, сплочение – раскол и т.п. Они содержат оценку, однако эти слова нельзя признать экспрессивными, т.к. они не содержат экспрессивного семантического признака, который бы их выделил на фоне нейтральных наименований.

Таким образом, вербальное выражение оценки не всегда экспрессивно, хотя для передачи субъектного отношения говорящего к предмету или адресату речи, как правило, избираются экспрессивные языковые средства.

В.К. Харченко рассматривает средства выражения экспрессивности на самых различных уровнях: на фонемном, морфемном, синтаксическом, лексическом [Харченко 1976: 27]. Экспрессию на лексическом уровне, которая может носить как узуальный, так и окказиональный характер, В.К. Харченко делит на языковую и речевую. Для сравнения она приводит производные значения у слов: полынь – «о ком-, чём-либо неприятном, доставляющем огорчение, боль»; репей – «о навязчивом, надоедливо

пристающем к кому-либо человеку»; окказиональное значение у слова «бурьян», и рассматривает, чем же обусловлена выразительность этих слов, их экспрессия. Анализ показывает, что экспрессия производных оценочных значений продиктована тематическим несоответствие производного значения слова производящему. Тематическая принадлежность слова в прямом значении и переносном смысле. Так, слово бегемот в прямом значении входит в тематическую группу «четвероногих», а в производном значении является характеристикой толстого, неуклюжего человека. Тематическая принадлежность производящего значения не может не проецироваться на производное значение слова, придавая ему и образность и экспрессию. Экспрессия свойственна всем производным оценочным значениям таких существительных как *дикарь, тундра, маляр, шляпа*. Однако обусловлена эта экспрессия не оценочностью, а производностью. Наличие оценочной функции не мотивирует экспрессию в силу того, что экспрессия слов в их производных значениях может и не быть связанной с оценкой. *...на завтрак будет опять «блондинка», как звали всем осточертевшую пшённую кашу. (Полевой Б. «Золото»).*

С другой стороны, оценочные слова не всегда экспрессивны (*хороший, добрый, весёлый*), тогда как производность значения, заведомое несоответствие прямому значению делают слова выразительными, образными.

Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное. В основе экспрессии лежит заведомое несоответствие каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам, т.е. наиболее регулярным устойчивым моделям. Экспрессивность в учебных пособиях часто связывают с понятием «оттенка». Но точнее следует говорить не об оттенках, а об экспрессивных качествах языковых фактов. Это мотивируется и тем, что в речи весьма часто отражаются такие факты языка, в которых информативность и экспрессивность сопряжены, а в ряде случаев и органически слиты.

Так, слово старушка и называет старую женщину (нейтральная информация), и вызывает положительное отношение к ней (оценка), а также чувство ласковости при чувстве уважения.

Таким образом, экспрессивность, являясь совокупностью особых семантико-стилистических признаков лексической единицы, в сложном взаимодействии с категориями оценочности и эмоциональности как компонентами коннотации обеспечивают способность слова выступать в коммуникативном акте средством субъективно выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи.

1.3. Понятие об эмоциональности

Эмоциональная лексика – слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность (*бабуся, доченька, миленький, родненький, сыночек, вонища, жарыща*), бранные слова (*мерзавец, подлец, негодяй*), междометия (*Браво! Крышка! Чёрт побери!*).

К эмоциональной лексике можно отнести также слова, служащие обозначением испытываемых чувств, настроений, переживаний или средством выражения эмоциональной оценки. *Брезгливость, грубость, злорада, ненависть, отвращение. Гадкий, мерзкий, негодный; ласковый, любимый, славный, чудесный.*

«Эмоциональный – относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения. Эмоциональная окраска, речь» [Розенталь, Теленкова 1976: 167].

Эмоциональная оценка основана на эмоциях, негативных и позитивных, которые вызывает обозначаемый предмет. Таким образом, она представляет собой синтетическое образование; рациональная (логическая) оценка явлений действительности, протекшая сквозь призму человеческой психики и выступающая в виде положительной эмоциональной оценки и её модификаций (неодобрения, пренебрежения, презрения, грубой и мягкой насмешки). По семантическому статусу оценочного компонента в структуре

лексического значения эмоциональная оценка относится к коннотативной информации, в отличие от денотативного статуса рациональной оценки.

По своей структуре эмоциональная оценка – многоуровневое образование, в котором можно выделить вслед за Н.А. Лукьяновой три уровня сем:

1) на абстрактном уровне сема «эмоциональная оценка» (семантический инвариант);

2) на более конкретном уровне она реализуется в двух антонимических вариантах: «положительная, или мелиоративная, эмоциональная оценка», «отрицательная, или пейоративная, эмоциональная оценка»;

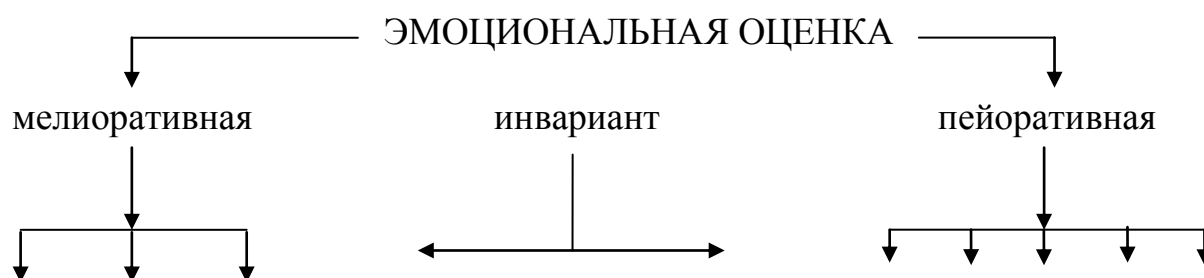
3) на уровне речевого употребления слова каждый из этих вариантов представлен рядом аллосем:

а) аллосемы мелиоративной оценки: одобрение, ласка (ласковость), удовольствие, восторг, восхищение;

б) аллосемы пейоративной оценки: неодобрение, осуждение/порицание, презрение, отвращение/омерзение, недовольство, возмущение, насмешка, сарказм.

Промежуточное положение занимают шутка и ирония, поскольку они имеют в большей или меньшей степени завуалированный характер, могут выражать как одобрение, так и неодобрение в скрытом, неявном виде [Лукьянова 1986: 75].

В общем виде структуру эмоциональной оценки можно представить в виде схемы:

Оценочность, экспрессия, эмоциональность лишь на первый взгляд кажутся тождественными или трудноразличимыми. Каждый коннотативный элемент в семантике слова имеет качественное своеобразие.

Многие слова не только называют понятия, но и отношения к ним говорящего. Например, восхищаясь красотой белого цвета можно назвать его белоснежным, белёхоньким, лилейным. Эти прилагательные эмоционально окрашены: заключённая в них положительная оценка отличает их от стилистически нейтрального слова белый. Эмоциональная окраска слова может выразить и отрицательную оценку называемого понятия (белобрысый). Поэтому эмоциональную лексику называют оценочной (эмоционально-оценочной). Однако следует заметить, что понятия эмоциональности и оценочности не тождественны, хотя и тесно связаны. Некоторые эмоциональные слова, не содержащие оценки (например, междометия); в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение (причём оценка не эмоциональная, а интеллектуальная), не относятся к эмоциональной лексике (*плохой, хороший, гнев, радость, любить, одобрять*).

Особенность эмоционально-оценочной лексики является то, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению.

Автор «Стилистики русского языка» И.Б. Голуб в составе эмоциональной лексики выделяет три следующие разновидности:

1. Слова с ярким оценочным значением, как правило, однозначные; «заключённая в их значении оценка настолько ярко и определённо выражена, что не позволяет употребить слово в других значениях» [Кожина 1993: 121]. К ним принадлежат слова-«характеристики» (*предтеча, брюзга, пустомеля, разгильдяй и др.*), а также слова, содержащие оценку факта, явления, признака, действия (*предназначение, предначертание, дивный, нерукотворный, безответственный и др.*).

2. Многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении. Так, о человеке говорят: *шляпа, тряпка, тюфяк, дуб, слон, медведь, змея, орёл*; в переносном значении используют глаголы: *петь, шипеть, пищать, грызть, копать, зевать, моргать и т.д.*

3. Слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства, заключающие положительные эмоции: *сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близёхонько*, и отрицательные: *бородища, детина, казёница и т.п.* [Голуб 2001: 59-60]. Поскольку эмоциональную окрашенность этих слов создают аффиксы, оценочные значения в таких случаях обусловлены не номинативными свойствами слова, а словообразованием. Но нас, в первую очередь, интересуют слова, эмоциональность которых создаётся на уровне лексики, в семантических связях с другими словами в контексте.

Таким образом, эмоциональность и экспрессивность как компоненты коннотации в лингвистической литературе описаны как самостоятельные категории. Однако классификации и исследования показали, что фактический материал не всегда позволяет достаточно чётко разграничивать эти категории.

2. Эмоциональность и экспрессивность в публицистическом стиле

2.1. Особенности публицистического стиля

Зарождение русского публицистического стиля относится к определённому прошлому. Уже в XVI веке в выступлениях Максима Грека, в памфлетах Ивана Пересветова, в переписке Ивана IV с князем Курбским наметились характерные черты публицистического стиля. Дальнейшее развитие он получил в XVIII веке, когда появилась первая печатная газета «Ведомости» (1703 г.), были созданы ряд журналов, во главе которых стояли И.А.Крылов, писатели Н.И. Новиков, А.П. Сумароков, Д.Н. Фонвизин. Значительные элементы публицистического стиля содержит «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Оформился публицистический стиль в XIX веке вместе с деятельностью В.Г. Белинского, Ш. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.Г.Чернышевского. Наиболее яркое и качественно новое выражение он получил в работах В.И. Ленина, А.В. Луначарского, а также М.Горького, А.Н. Толстого, И. Эренбурга, А. Фадеева, А. Леонова, М. Шолохова, К. Симонова и др.

В публицистических произведениях затрагиваются вопросы весьма широкой тематики – любые актуальные вопросы современности, представляющие интерес для общества: политические, экономические, моральные, философские, вопросы культуры, воспитания, повседневного быта. Публицистический стиль находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати (газетах, журналах), политических выступлениях, речах на собраниях и т.д.

В рамках публицистического стиля широкое распространение получила его газетно-журнальная разновидность. К основным чертам языка газеты относятся:

- 1) экономия языковых средств, лаконичность изложения при информативной насыщенности;
- 2) отбор языковых средств с установкой на их доходчивость (газета –

наиболее распространённый вид массовой информации);

3) наличие общественно-политической лексики и фразеологии, переосмысление лексики других стилей (в частности, терминологической лексики) для целей публицистики;

4) использование характерных для данного стиля речевых стереотипов, клише;

5) жанровое разнообразие и связанное с этим разнообразие стилистического использования языковых средств: многозначности слова, ресурсов словообразования (авторские неологизмы), эмоционально-экспрессивной лексики;

6) совмещение черт публицистического стиля с чертами других стилей (научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного), обусловленное разнообразием тематики и жанров;

7) использование изобразительно-выразительных средств языка, в частности, средств стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т. д.).

Публицистический стиль представлен разнообразными жанрами, которые имеют разные задачи в процессе общения и функционируют в разных условиях. Так, к публицистическим жанрам относятся газетные политические информации, передовые статьи, заметки, фельетоны, памфлеты, лирико-публицистические статьи, а также лозунги, призывы, обращения к гражданам страны, рецензии на фильмы и спектакли, сатирические заметки, очерки, обзоры, т.е. все жанры массовой коммуникации (язык газет, журналов, теле- и радиопередач), а также устная форма речи – публичные выступления на общественно-политические темы.

Следует иметь в виду, что публицистический стиль, как и все другие стили, – явление историческое и подвергается изменениям, но в нем сильнее, чем в других стилях, заметны изменения, которые обусловлены социально-политическими процессами в обществе. Так, даже неспециалисту видны перемены в газетном современном стиле в сравнении, например, с

языком газет начала века: исчезли открытая призывность, лозунговость, директивность газет, современные газеты стремятся хотя бы к внешней аргументированности изложения, полемичности публикаций.

На наш взгляд, необходимо уточнить понятие газетный язык. Современный газетный мир настолько многообразен и разноречив, что под термином газетный язык следует видеть лишь язык газеты, то есть то, что напечатано именно на страницах газеты. Вероятно, особенности газетного языка и свойственные ему закономерности можно обнаружить применительно к каждой газете в отдельности. В таком случае можно говорить и о стиле газеты. Например, стиль газеты «Известия» и стиль газеты «Комсомольская правда», стиль «Московского комсомольца» и стиль газеты «Аргументы и факты» и т.д. Анализ языка газет показывает, что почти у каждой газеты имеется свой набор эмоционально-экспрессивных средств, и вместе с тем можно говорить об общих принципах построения газетной речи, об общности её функций, структуры и стилевой окраски, следовательно, о газетном подстиле в целом.

Для публицистического стиля прежде всего характерно стремление к воздействию на читателя, слушателя. Итак, важнейшая черта публицистического стиля – его воздействующая функция, которую можно обозначить лингвистическим термином «экспрессивная функция». Эта функция публицистического стиля присуща всем его жанрам в любых социально-политических условиях.

Характерной чертой данного стиля является также информативность изложения, связанная с популяризаторской функцией. Стремление сообщить нечто новое для читателя и слушателя обеспечивает успех публицистических жанров.

Своеобразие функционирования публицистического жанра, например, в газетах, условия подготовки материала, разный уровень квалификации многочисленных корреспондентов способствует тому, что возникают стандартные языковые средства в языке газет. Стандартность языковых

средств порождается и повторяемостью, и тем, что поиски экспрессивных средств ограничены временем, а потому используются готовые формулы экспрессии.

Воздействующая функция публицистического стиля обуславливает экспрессивность этого стиля. Экспрессивность проявляется прежде всего в оценке событий, явлений. Оценочность выражается использованием высокой книжной лексики: *дерзание, Отчизна, Отечество, миссия, вдохновение, чаяния, ратный подвиг и т.п.* С другой стороны, оценка выражается разговорной и даже просторечной лексикой, например: *шумиха, оголтелые, отщепенцы и т.п.*

Острая, меткая, образная оценка выражается с помощью метафор, олицетворения, например; *новости спешат, забушевала весна, клевета и лицемерие ходят рядом.*

Часто оценка выражается уже в заголовках, поэтому к названию статей предъявляются требования выразительности, броскости.

Характерной особенностью публицистического стиля является наличие особых газетных стандартов, особой газетной фразеологии, *возникают* газетные клише, например: *внести огромный вклад, работать с огоньком., свято чтить, приумножать боевые традиции, общечеловеческие ценность и т.п.*

Экспрессивность выражается, таким образом, самыми разными языковыми средствами. Рассмотрим эти средства на уровне лексики в газетных текстах.

2.2. Эмоционально-экспрессивные средства языка в публицистическом стиле

2.2.1. Иностилевая лексика как одно из средств создания эмоциональности и экспрессивности

Публицистический стиль оказывается особенно сложным и разветвлённым, с многочисленными переходными (межстилевыми) явлениями. Он наиболее открыт для проникновения иностилевой лексики.

Так, в публицистике распространено переосмысление терминов (*вирус равнодушия, коэффициент искренности, очередной раунд переговоров*). Особенность такого словоупотребления состоит в том, что «происходит не только метафорический перенос значения термина, но и перенос стилистический» [Вакуров Кохтев 1982:34].

Лексика научная, терминологическая может оказаться рядом с экспрессивно окрашенной разговорной, что, однако, не нарушает стилистических норм публицистической речи, а способствует усилению её действенности. Вот, например, описание в газетной статье научного эксперимента:

В институте эволюционной физиологии и биохимии тридцать две лаборатории. Одна из них изучает эволюцию сна. У входа в лабораторию табличка: «Не входить: опыт!» Но из-за двери доносится кудахтанье курицы. Она здесь не для того, чтобы нести яйца. Вот научный сотрудник берёт в руки хохлатку. Переворачивает вверх лапками... (КП, 25.09.98).

Такое обращение к иностилевой лексике вполне оправдано, разговорная лексика оживляет газетную речь, делает более доступной для читателя.

Обращение к эмоционально-оценочной лексике во всех случаях обусловлено особенностями индивидуально авторской манерой изложения. В публицистике может быть использована сниженная оценочная лексика. Журналисты находят в ней источник усиления действенности речи. Приведём пример смещения стилей в информационной заметке о дорожном происшествии:

Съехав в овраг, «Икарус» напоролся на старую мину.

Автобус с днепропетровцами «челноками» возвращался из Польши. Измученные долгой дорогой люди спали. На подъезде к днепропетровской области задремал и водитель. Потерявший управление «Икарус» сошёл с трассы и угодил в овраг. Машина перевернулась через крышу и замерла. Удар был силен, но все остались живы. (...) Оказалось, что в овраге «Икарус»

напоролся на тяжёлую миномётную мину... Вывороченная из земли «ржавая смерть» упёрлась прямо в днище автобуса. Сапёров ждали долго (МК, 13.08.99).

Разговорные и даже просторечные слова, как видим, соседствует с официально-деловой и профессиональной лексикой.

Мы воочию убедились, что экономика, привыкшая к инфляционному наркотику, не просто слабая, но и довольно агрессивная (АиФ, 17.10.97).

Карьера новоявленного политического лидера поучительна... За четыре месяца на посту министра приватизации г-н Поливанов прославился тем, что практически развалил отлаженный механизм работы Госкомимущества (Изв., 12.05.96).

... Инспектор любит во всякую щель свой нос совать. Ох, и мастер он строить козни! (БП, 14.04.00).

Перво-наперво исследователи определяют, как долго находится синтетический аппарат в растении (АиФ, 30.06.98).

Экспрессивность выражения достигается широким использованием, с одной стороны, высокой книжной лексики, получившей специализацию газетной (Патриотизм измеряется только одним – Войной (БП, 23.02.99)), особенно употребительной в газетах прошлых лет, с другой – разговорной и просторечной (В Германии не утихает шумиха по поводу сотрудничества спортсменов (АиФ, 21.01.98)), иногда и столкновением приведённых лексических пластов.

Во многих газетных статьях наряду с книжной и нейтральной лексикой используется сниженная лексика с эмоциональной оценкой неодобрения, презрения.

Едва только дыхнул ветер перемен, эта хвалёная интеллигенция рассосалась по коммерциям, партиям и правительствам, Здрав штаны, побросала своё бескорыстие и своих лобастых Панургов (МК, 27.11.98).

...И вот 1992 год... Философы попёрли из-под земли, как сыроежки. Квёлые, чахлые, ещё не привыкшие к дневному свету... Вроде бы неплохие

ребята, но заражены извечным отечественным самоедством, с мазохистским уклоном... (КП, 19.07.96).

Вот в такой выгребной яме лжи купает журнал 650 тысяч своих подписчиков (АиФ, 24.06.99).

Большую роль играют экспрессивно-просторечные слова и как средство выражения оценки, чаще отрицательной, иронической, насмешливой, осуждающей.

Угроза над Нарочью нависла ещё в 1962 году, когда ведомства и профсоюзы начали лепить на берегу свои санатории, дома и базы отдыха (АиФ, 04.08.97).

Однако увлечение журналистов просторечием, экспрессивной сниженной лексикой не всегда стилистически оправдано. Вседозволенность в речи отражает низкую культуру журналиста. Придаёт изложению развязный, запанибратский гон, который прививает молодёжи дурной вкус, понижает и без того зачастую низкую речевую культуру юных читателей и одновременно отталкивает от газеты читателей старшего поколения.

2.2.2. Устойчивые сочетания как средство усиления экспрессивной окраски речи

Газета рождает и культивирует свою фразеологию, устойчивые обороты речи для создания экспрессивности текста: как нейтральные или с оттенком официальности – в информативных жанрах *Как сообщает агентство РИА (БП, 17.02.01) По сообщениям осведомлённых источников, очень выгодно финансовую операцию провернул недавно Брюс Уиллис (АиФ, 28.07.99) В недавно опубликованных данных о государственных запасах золота и иностранной валюты Россия находится на 36 месте (БП, 15.01.96), так и оценочные *Агрессия начинается не с пушек, а с обработки мозгов* (БП, 26.02.00). Устойчивые сочетания являются готовым арсеналом газетных стандартов и нередко переходят в штамп.*

Некоторые вредные привычки настолько замотали всех, от мала до

велика. что уж и не знаешь, куда от них деваться... (МК,26.12.00).

Будь ты хоть семи пядей во лбу, без посредника всё равно не ступить ни шагу (Изв., 16.02.00).

Опять будем рвать на себе рубахи, что не успели, не уберегли (БП, 23.02.00) и др.

Это могут быть и общеязыковые фразеологизмы, но наполненные новым (обычно острополитическим) содержанием, включающие социальную оценку и опять-таки высокочастотны в газете:

а) с негативной оценкой: *Может быть, историкам стоит покопаться в архивной пыли и установить, не задолжал ли кто из русских князей Золотой Орде...* (КП, 11.05.99);

б) с положительной оценкой: *Конкурсанты подошли к заданию творчески, с огоньком* (БП, 25.02.01).

Достижению речевой выразительности способствуют высокочастотные в газете (по сравнению с другими функциональными стилями) случаи необычного употребления и обновления фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок.

«Куй железо не отходя от кассы» (МК, 16.11.98); *«Наркомания: хочешь жить - умей лечиться»* (КП, 28.10.00); *«Много будешь знать - скоро посадят»* (МК, 16.02.96) – речь идёт об аресте Д. Якубовского; *«Сила есть импорта не надо»* (Изв., 18.04.01); *«С миру по нитке - школе автобус»* (БП,08.12.00); *«Куда ни кинь всюду бартер»* (МК, 14.07.98); *Скоро сказка сказывается, да не скоро печатается...* (БП, 19.09.00); *До открытия чемпионата - рукой подать, и у руководителя оргбюро забот хоть отбавляй* (КП, 18.03.97); *Готовь сани летом, а воду зимой* (БП,27.11.00).

Употребление лермонтовской строки *«Смешались в кучу кони, люди»* – в качестве заголовка репортажа о церемонии открытия Чемпионата мира по хоккею с мячом (АиФД, 11.07.98).

Введение в текст фразеологизмов, как правило, обусловлено стремлением журналистов усилить экспрессивную окраску речи. Например,

К открытию вчерашнего заседания в зале не оказалось ни спикера Думы, ни одного из шести вице-спикеров. Бразды правления взяли в руки члены Совета Думы. Анатолий Лукьянов тряхнул стариной и, председательствуя на заседании парламента, предоставил слово Виктору Илюхину (Изв., 22.02.96).

Использование фразеологизмов создаёт яркий стилистический эффект. Сама природа фразеологизмов, обладающих яркой образностью, стилистической окраской, создаёт предпосылки для их использования в экспрессивной публицистической речи. Эстетическая роль фразеологических средств определяется умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст (или создать броский заголовок). Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов.

2.2.3. Особенности функционирования речевых инноваций

Особым средством создания экспрессивности в газете являются окказиональные слова (речевые инновации / новообразования). Они представляют постоянный интерес для лингвистов при выявлении направления развития системы языка, в особенности ее лексического уровня, для выявления экстралингвистических факторов, влияющих на их развитие. Как компонент газетного текста они являются отражением особенностей функционального стиля.

Семантическая характеристика новообразований, извлеченных методом сплошной выборки из газеты «Комсомольская правда» (90-е годы), позволяет отметить, что среди них сильна тенденция к отображению явлений массового, общественного, социального характера. Меньше внимания уделяется человеку с его внутренним миром, эмоциями, физическими и психологическими характеристиками, больше – человеку как социальному существу (носителю взглядов, выразителю идеалов, производителю вещей, политическому деятелю – основателю течений, экономическому деятелю –

зачастую преступнику). На первом плане обозначения – социальные катаклизмы (*афганизация, балканизация, «губернизация», «фискализация»; лохматость, гейскость, всенародноизбранность; панкизм, стервизм, зюганизм, «гайдаризм»*) и человек как их носитель и даже жертва (*сникерщик, джинсовщик, увольнитель, ущемитель, пепсиманы, ваучероманы, чаеманы, компьютероманы, «макареноманы»; спидоисцы, брюкоисцы, «чтогдекогдашники», хабзисты, первоканалъцы, антинанайцы, архинепереотрошники*).

Экспрессивный характер новообразования предопределен его природой: его формальная новизна нарушает непрерывность речи, «эффект неожиданности» слова создает «напряженность» восприятия, происходит актуализация не только новообразования, но и текста в целом. Учет специфики: функционирования новообразований в тексте как своеобразных его актуализаторов и типов актуализаторов самих новообразований позволяет выявить механизм воздействия словообразовательного акта, формирующегося в тексте, на читателя, который в процессе чтения активно включается благодаря воздействию этого механизма в восприятие новых слов и понятий, в них отраженных.

Экспрессивность новообразований (как результат стилистической, оценочной и эмоциональной маркированности слов), кроме того, достигается максимальным использованием языковых средств, позволяющих выразить субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, вследствие чего оказать воздействие на личность реципиента. Среди таковых следует отметить:

1) превалирование разговорной стилистической маркированности новообразований, создаваемой в том числе использованием в качестве производящих слов нелитературного происхождения:

а) из тюремно-лагерного жаргона: *чай-хана* (*хана* – «плохо»), *халявно-нахрапистый, барахолочность* (*барахло* – «краденые вещи»), *выпендриваться, закодычный*; б) из молодежного жаргона: *крутота,*

обломист, хохлобаксы, джексофанаты, тусовочно; в) из компьютерного жаргона: *антихакерский, интерфейсисто, дисплеисто, веертуальный;* г) из жаргона чиновников: *подковровый, подковоерно;*

2) экспликацию оценочных признаков положительного или отрицательного отношения к тому или иному явлению, обозначаемому окказионализмом; при этом экстралингвистические факторы являются доминирующими в появлении негативной оценки у новообразований, обозначающих:

а) преступную деятельность и лиц, занимающихся ею (*интервымогатели, авиапотрошители, урководитель, первопроходимцы*); б) понятия, связанные с наркобизнесом (*наркоперспективы, наркосуп, наркодилеры, наркосбытчики, «моснаркосбыт», нарконовшества, наркостолица*); в) понятия, связанные с производством порнопродукции (*порновакханалия, порноненавистник, «парнокопытные», «порнометражный» фильм*).

Специальным средством создания экспрессии при восприятии текста являются собственно окказиональные способы словопроизводства, которые, являясь сами по себе яркими «нарушителями» языкового стандарта, еще и связаны «игрой» со словом. Так, название статьи *«Гарнизонокосильщики»* (о призывниках, разными средствами уклоняющихся от службы) создано сложением основ нейтрального слова *гарнизон* и жаргонного *косить* (в значении «уклоняться») и в подтексте связано с героем фильма *«Газонкосильщик»* – умственно отсталым человеком, о чем свидетельствует их созвучие и контаминация компонентов.

Обращённость газетного языка к массовой и разнородной аудитории, необходимость воздействия на которую связана с поисками экспрессивных средств выражения, с одной стороны, и качественные изменения в сфере современных средств массовой информации, а именно тенденция к разговорности и стремление к косвенному воздействию (а не к прямолинейному черно-белому противопоставлению), с другой стороны,

позволяют использовать в полной мере словотворческий потенциал авторов для максимального воздействия на читательскую аудиторию, тем самым участвуя в формировании и развитии языкового вкуса и изменении общественного сознания.

2.2.4. Выразительные возможности церковнославянской лексики

В последнее время устаревшая церковнославянская и конфессиональная лексика активно используются современными масс-медиа. Рассчитанные на массового читателя и слушателя, современные массово-коммуникативные тексты, воспроизводя стандартные языковые модели, обращаются к устаревшей лексике для большей эмоциональности, экспрессивности.

Исследователь проблем современного русского языка Е. В. Какорина рассматривает следующие случаи использования конфессиональной и церковнославянской лексики в современных массово-коммуникативных текстах: 1) актуализация первичного значения конфессиональных лексем; 2) использование данных лексем в переносном значении; 3) оживление старых метафор и 4) создание новых метафорических образов. (Какорина Е.В., 2000: 72). Последние две группы можно объединить в одну, поскольку оживленные метафоры, как и новые метафоры, в современных массово-коммуникативных текстах служат материалом для создания новых образов.

Актуализация первичного значения конфессионализмов стало следствием изменения отношения светской власти и СМИ к православной церкви в 80-90 гг. Репортажи о строительстве и освящении храмов, возрождении приходов, официальная хроника, интервью с иерархами Русской Православной церкви, со священниками и воцерковленными мирянами, проповеди и тексты, составленные самими православными священниками – все это отражает социокультурные изменения за последние пятнадцать лет. Конфессиональная лексика в таких текстах употреблена по

своему прямому назначению. Например:

«...В храме служатся панихиды, проводятся крещения и венчания. Но для проведения богослужений в полном объеме необходимо восстановить иконостас, провести свет и отопление, восстановить роспись и внутреннее убранство храма. Ко всем, кому близки и понятны исторические и духовные ценности России, настоятель храма священник Петр Григорьев и его прихожане обращаются с просьбой оказать посильную материальную и молитвенную помощь в возрождении храма» (АиФ, 25.12.99.).

На начальном этапе актуализации такие слова воспринимались как что-то новое и необычное, так как был открыт целый пласт русской культуры, забытый, непонятно каким чудом доживший до наших дней. Со временем эти слова стали привычны для нашего восприятия.

Интерес авторов массово-коммуникативных текстов к религиозной тематике в большинстве случаев ограничивается внешними сторонами православного культа и не идет вглубь, не затрагивает духовно-философских основ возрождаемой религии. Яркий пример такого поверхностного подхода к религиозной тематике – тексты, которые в начале 90-х появлялись на страницах «АиФ». Авторы «АиФ» предпринимали попытки возродить некоторые элементы быта дореволюционного российского дворянства, сделать эти элементы потребительской нормой для класса «новых русских» постсоветской России. При этом религиозная практика, по замыслу авторов «АиФ» должна была стать составной частью воссоздаваемого «новодворянского» быта:

«Вот потянул за край одеяла, тихо урча, ваш английский биль... и рука вышей любимой выпросталась из ковчега сна, чтобы почесать пса за каштановым ухом... И уже с легким шорохом начал скручиваться край бересты, подоженный тонкой лучинкой. <...> Как доверчиво дерево к огню. Собачьи уши – женской руке. А елки – полету белок. И как особенно доверчивы женщины, ждущие ребенка, потому что вифлеемская ночь освятила такую прозаическую вещь, как беременность. Женщины знают:

чудо во чреве их само беспомощное, и за него радеют и Мать, и волхвы, и ослик, и рождественская звезда. <...> Ступивши однажды на каменный берег Манхеттена, плутая между поддельными «ролексами» и настоящими американцами, среди пластикового веселья и брильянтового стекла, я, православный, будто из-под тяжелой воды вынырнул в католическом соборе Св. Джона... Пусть воздух тут был чужим, но он был воздухом, по которому, не касаясь плит, плыла невеста в кисее. <...> И эта кисея, еще скрывавшая ковчег ее чрева, скоро должна быть приподнята, чтобы дитя едва слышно мог шепнуть из-за кулис свое пророчество...» (МК, 11.01.96).

В приведенном отрывке автор в качестве выразительных средств, помимо конфессиональной лексики, использует архаизмы, евангельские аллюзии, фразеологизмы, метафору и различные синтаксические средства экспрессивной речи (параллелизм, эллипсис и др.). Очевидно, что все представленные здесь средства рассчитаны на внешний эффект. С их помощью автор создает атмосферу театрального действия: тут вам и ослик, и вертеп, и волхвы, и младенец за кулисами.

Понятно, что такое понимание религиозной темы не имело ничего общего с подлинным возрождением ортодоксального мировоззрения и миропонимания, стержнем которых является не художественная обрядность современного *псевдоправославия* – не золотые митры, не фелони, украшенные полудрагоценной бижутерией, не резные иконостасы, не театрализованные представления, а серьезное и ответственное отношение к явлениям жизни (в том числе, и к фактам языка).

Одним из случаев употребления конфессиональной лексики является использование ее в переносном значении:

«ТАССовское благословение останкинского митинга, покровительственное отношение к погромщикам в ЦДЛ... сделали очевидной ту сложную, двойную игру, которую власти ведут с разными видами национал-экстремизма» (АиФ, 16.02.96).

"Нет-нет да услышишь ныне о том, что «партия должна покаяться».

Призыв звучит красиво. Но не очень ясно, кто в чем должен повиниться и за чьи грехи» (БП, 28.05.97).

«Можно говорить о втором пришествии правых в политику» (МК, 19.12.99).

«Политическая исповедь по телефону» (БП, 11.11.99).

Часто одно и то же слово или выражение в речевой практике современных СМИ используется как в своем прямом, так и в переносном значении: *Собор был открыт с благословения Патриарха – С благословения Президента была принята новая экономическая программа Правительства* (КП, 09.01.00).

В зависимости от намерений автора конфессиональная лексика может наполняться высоким содержанием, а может быть средством иронии, средством негативной оценки описываемого предмета или события. Определенное сходство между отдельными сторонами светской жизни и богослужебной практикой, деятельностью политика и деятельностью миссионерской и катехизаторской позволяет использовать конфессиональную лексику для создания новых метафорических образов. Этим сходством объясняется широкое распространение неологизмов, образованных от конфессиональных лексем: *телепаства, телепроповедник, тележрецы* и пр.:

«Именно поэтому можно считать ТВ не разновидностью наркомании, а некоей квазирелигией. Как во всякой религии здесь есть не только своя паства, но и свои жрецы. И если телепаства большей частью даже не осознает, зачем и почему приникает к «ящику» <...>, то тележрецы и телепроповедники понимают свои функции, напротив, очень хорошо. Именно они восприняли и преподнесли пожар Останкинской телебашни как некую вселенскую катастрофу, едва ли не сходную по значимости с разрушением ветхозаветного храма Соломона» (АиФ, 29.11.00).

Отметим здесь столь часто встречающееся в современных массово-коммуникативных текстах метафорическое использование библейских

номинаций для описания современных предметов и событий:

«Но кровавые гонения на католиков, санкционированные из логова Мамоны, не взволновали «непогрешимого» папу» (МК, 15.07.98).

Наконец, необходимо сказать об использовании актуализированных фразеологизмов. Стилизация под тексты конфессионального типа является одним из приемов, используемых в современной газетной публицистике. Воспроизводя языковые модели прошлого, автор массово-коммуникативного текста использует устаревшие элементы языка как средство юмора, иронии и сатиры. Составители текстов при этом обращаются как к редко используемым фразеологизмам, так и к фразеологизмам, уже давно вошедшим в обиход. Среди таких «стандартных» экспрессем следует назвать выражения *ничтоже сумняшеся*, *притча во языцех*, *на круги своя*, *злоба дня*, *иже с ними* и др.:

«Верните все на круги своя» (МК, 31.12.99).

«Ничтоже сумняшеся Зюганов называет договор ударом по обороноспособности России» (БП, 04.05.00).

«Президент Латвии ничтоже сумняшеся заявила...» (Там же).

«А с такой командой, которая вокруг Юрия Михайловича собралась, – лучше бы вовсе без нее. Я даже не об аппарате говорю – лужковский «аппарат»" и так уже притча во языцех» (МК, 31.12.99).

«Очки давно уже перестали быть притчей во языцех как атрибут исключительно интеллигента» (КП, 27.03.00).

В.Г. Костомаров отмечает, что «мода» на использование речевых моделей церковно-славянского языка обнаружила себя уже в послевоенной журналистике (Костомаров В.Г., 1997:59-60). Широко представлены эти единицы языка в публицистике 80-х годов, а в речевом пространстве современных СМИ они из разряда экспрессем перешли в разряд стандартных элементов массово-коммуникативного языка.

«Расизм в США давно стал притчей во языцех» (КП, 06.08.98), *«В кругу знакомых давно стал притчей во языцех»* (ЛГ, 30.04.97), *«Вот вам*

уничтожение, что паче любой гордости» (Изв., 07.04.99).

Примеры правильного и осознанного употребления церковнославянской лексики в речевом пространстве современных СМИ найти чрезвычайно трудно. Парадоксально, что и для авторов, декларирующих свою приверженность традиционным ценностям, реальное содержание этих ценностей в большинстве случаев продолжает оставаться неизвестным. *Язык демаскирует дух*: по тому, насколько серьезно и ответственно относится говорящий к содержанию. И если древняя лексика в современных массово-коммуникативных текстах является лишь элементом языковой игры, то мы можем предположить, что и та духовная реальность, которая данными лексемами обозначена, для современных журналистов продолжает оставаться элементом *экзотики*, которую можно исказить и парадировать.

2.2.5. Стилистические функции каламбура

При помощи каламбура можно не только выделить ту или иную часть высказывания, но и выразить оценку (юмористическую, сатирическую). В этой функции – экспрессивной – каламбур часто используется в газете – критических статьях, материалах идеологической направленности, фельетонах. В публицистике каламбур употребляется для речевой характеристики персонажей (характерологическая функция). С этой целью может быть использован и «семантически ненагруженный» каламбур (то есть каламбур, никак не связанный ни с ситуацией коммуникативного акта, ни с его содержанием), и ненамеренный каламбур.

Использование каламбура в той или иной функции обусловлено намерением коммуникатора. Экспрессивная и характерологическая функции обеспечивают передачу прежде всего экспрессивной, эмоциональной и эстетической информации; их можно считать стилистическими функциями каламбура. Информативно-значимая функция связана с процессом передачи и восприятия сообщения; она является проявлением коммуникативной

функции каламбура.

Специфические ситуации общения (разговорная речь, общение при помощи средств массовой информации и пропаганды) порождают в каждой группе дополнительные функции, обусловленные целью и назначением каждой речевой разновидности.

Каламбур способствует реализации в газете функции убеждения, являясь одним из способов эмоциональной аргументации:

Ни в вагоне Плакущей, но во всех остальных вагонах не было второго проводника, как полагалось бы по штатному расписанию. Все вагоны – «на одно» лицо, как говорят железнодорожники. Может ли быть спокойным, улыбочным и безмятежным это, несколько суток не спавшее «лицо»? (КП, 07.04.00).

Условия восприятия газетных материалов и характер газетной информации (оперативность, злободневность) определили появление специфических коммуникативных функций каламбур – контактоустанавливающей функции и функции восстановления внимания. Эти функции направляют психические процессы восприятия текста; они не связаны специально с передачей необходимого содержания.

Контактоустанавливающая функция реализуется преимущественно в заголовках. Чаще всего в газете встречаются внешне направленные заглавия, рассчитанные на прямой отклик читателя и воздействующие на его эмоциональную сферу восприятия.

«Сердечная недостаточность» (подзаголовок: «Многих больных удалось бы спасти, не помешай этому бездушно отношению к ним или профессиональные амбиции»), (КП, 17.09.97)).

Для газетно-публицистического текста (в отличие от текстов художественной литературы) характерно активное использование коммуникативных функций каламбура. Это связано с необходимостью управлять читательским вниманием при чтении газет – фиксировать его на определенном материале номера и направлять в процесс чтения самого

материала.

Структурно-семантические особенности каламбура в газетном тексте обусловлены характером публицистической экспрессии и требованием быстроты передачи информации.

Выражение «галопом по Европам» обычно используется в русском языке для обозначения поверхностного, неглубокого (а значит, и неверного) знакомства с чем-либо. Построенный на таком выражении заголовок однозначно (в эмоциональном отношении) характеризует исследование, проведенное институтом Гэллапа: в результате сделанных в ряде стран опросов был выведен «индекс счастья», согласно которому самые счастливые люди – жители Северной Ирландии и Чили, негритянское население ЮАР. Заголовок звучит так: *«Гэллапом по Европам»* (ЛГ, 05.07.96).

Другая характерная особенность каламбура в газете – наличие в его структуре внешних сигнализаторов «обыгрывания». Указание на каламбур может быть выражено с помощью паралингвистических указателей: «Дело в шляпе», а может создаваться и языковыми средствами:

...Холод...должен был двинуться, как обычно, на Урал и дальше в Западную Сибирь. И вдруг резко изменил направление... Мы выдели этот холод на севере, но такого – в полном смысле слова – поворота событий не ожидали (КП, 29.11.00).

Именно поэтому премьер пренебрежительно говорит о тех лидерах Африки, которые выступают за идею социалистического развития своих стран. Кстати, говорит через переводчика, потому что, прожив долгие годы в капиталистических странах, забыл язык своего народа. Премьер и народ его страны говорят на разных языках как в прямом, так и в переносном смысл слова (АиФ, 19.05.98).

Использование «сигнализаторов» в структуре каламбура часто обусловлено невозможностью (вследствие необходимости оперативной передачи сообщения) сконструировать необходимый для достижения

каламбурного эффекта контекст. Характер публицистической экспрессии допускает использование таких приемов в газете.

Являясь реализацией газетной функции убеждения, каламбур должен сообщать тексту (отрезку текста) яркость, выразительность. С другой стороны, подчиняясь требованию оперативности, каламбур часто бывает построен по «шаблонной модели». Шаблонные каламбуры – каламбуры, использование которых в данном тексте вторично. Шаблон – следствие высокой частотности употребления каламбура. Неоднократное использование в речи вариантов каламбура снижает экспрессивность приема, вследствие чего он перестает выполнять свою функцию в тексте.

Однако в определенных случаях такие каламбуры оказываются уместными (например, при оформлении заголовков). Эффект такого употребления рассчитан именно на языковой опыт читателя: закрепленное в памяти употребление слова как возможной основы каламбура позволяет уже в заголовке обнаружить два его значения (ср. заголовки «Немилосердная липа», «Не сажайте липу!», «Многоликая липа»). Стремление сопоставить обнаруженные возможные смыслы с текстом создает эффект заинтересованности материалом (текст дает ответ на вопрос, как именно эти смыслы соотносятся в реальной действительности). Таким образом будет достигнута цель заголовка – привлечь внимание читателя.

Функционирование каламбура в газете определяется и внутрителиевой дифференциацией газетных текстов. Речевая организация средств массовой информации и пропаганды характеризуется очень широким диапазоном композиционных и языковых структур и сочетает в себе признаки практически всех функциональных стилей русского языка. Это предполагает и различный характер использования экспрессивных средств.

Каламбур находит применение в тех жанрах, где он становится средством эмоционального воздействия и привлечения внимания к определенной части текста:

...не я ли, в числе совсем немногих, критиковал работу Центрального

телевидения, когда его можно было только хвалить, потому что никакой критики ЦТ не выдерживало, не выносило и не терпело (МК, 15.03.97).

Так что делать с этим «морем серости»? А ничего. Игнорировать. А вдруг это море удастся отвести? Пусть оно сыграет в «телеящик»! Пусть туда, в «зрелища», уйдет все то воображаемое бытие, которое сейчас записывается словами. Пусть там и реализуется. А тут? Представляете, что останется тут? Из десяти книг – одна. Та, которую нельзя не написать... (МК, 20.10.97).

Каламбур в газетном тексте обладает (в числе других приемов речевой выразительности) огромным потенциалом эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. Являясь реализацией газетной функции убеждения, каламбур способен привлекать внимание адресата ко всему высказыванию или к отдельным его компонентам, экономно, при минимуме языковых средств, выражать авторскую оценку.

2.2.6. Процесс метафоризации в газетном подстиле

Из функциональных стилей наиболее открыт для тропов публицистический стиль, в котором слово часто выполняет эстетическую функцию, как и в художественной речи. Однако цель метафоризации, например, в газетном языке, «не в индивидуально-образном видении мира и поэтическом самовыражении» [Костомаров 1971: 166], а в том, чтобы довести до массового читателя в специфических условиях газетного процесса объективную и всестороннюю информацию.

Наиболее сложным и вместе с тем наиболее экспрессивным приёмом, используемым в газетном подстиле, является метафора. Под метафорой понимают слово или оборот речи, употреблённые в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства. Предметы могут быть сходны по форме, расположению, цвету, размеру, количеству, степени плотности («железный аргумент» (Изв., 02.04.00)), подвижности, ценности, функциям («рупор ФСБ» (МК, 28.03.00)),

впечатлениям («стальные сталинские года» (МК, 23.03.00)) характеру звучание. С помощью метафоризации создаются разнообразные, отличные от первоначальных значения, иногда навсегда закрепляющиеся в языке. Они формируются, постоянно образуясь в процессе речевого творчества целого народа, СМИ, отдельных лиц или неких социальных институтов – государственных органов, хозяйственных, профсоюзных и других организаций, партий, союзов, ассоциаций. Необходимым условием для появления этих переносных значений, по мнению А.И. Ефимова, является то, что слово перемещается в новое лексическое окружение или в необычный для него контекст, то есть изменяется сфера применения слова, а его функция обновляется [Ефимов 1969: 91]. Еще к признакам, указывающим на процесс метафоризации, следует отнести двуплановость, наличие образности и оценочности.

Таким образом, в основе метафоры лежат либо сосуществование, либо параллелизм основного и переносного значений – противопоставление первоначального смыслового оттенка и нового, образовавшегося в процессе метафоризации и являющегося важным средством художественной изобразительности, к которой и стремятся пишущие люди при использовании метафор.

Обычно новые значения, наслаивающиеся на старые, являются в большинстве своем характеристическими. По словам Ефимова, «метафора не называет, а главным образом характеризует, усиливает преимущественно качественные признаки» [Ефимов 1969: 63]. Но то, что элемент сопоставления и сравнения, лежащий в ее основе, скрыт, и является неким внутренним элементом, четко отделяет метафору от сравнения.

В общих чертах можно утверждать, что метафоризации подвергаются следующие типы слов: общеупотребительные, широко известные и используемые слова со сложной структурой и многозначностью, довольно «консервативные» по своей смысловой форме терминологические слова («*коллапс* украинской энергетики» (БП, 15.12.99)).

Говоря о классификации метафор, мы отметим, что они могут распределяться либо по характеру сходства, либо по степени распространенности и образности. При этом выделяют несколько групп, как то: общезыковые сухие, общезыковые образные («ядовитые ласки»; ядовитый здесь – в широком используемом значении «злобный, язвительный» (МК, 27.05.99)), общепозитические образные, общегазетные («*ковать* партию» (АиФ, 02.03.00)) и индивидуально-авторские («ученые не обвешены *ожерельями* предрассудков» (ЛГ, 22.03.00)), либо по тематике.

Существует большое количество тематических групп метафор, к примеру, название лиц, имеющих отношение к религиозным культам («*патриархи* космоса» (Изв., 01.03.00)), обозначения действий, связанных с процессом принятия еды («*заедает* «бытовуха» (МК, 17.02.00)) и т.д. При их создании был использован большой арсенал авторских приемов, как то: прояснение значения метафоры с помощью приложения или определения («*смердящий* шлейф прошлой беды» (ЛГ, 22.03.00)), создание синонимических рядов, перифрастических (иносказательных, образных) выражение, снижение экспрессивного поэтического ореола слова («Гор и Буш *штурмуют* Белый дом», заголовок из МК, 22.03.00), пояснение метафорических значений слов, использованных в качестве названий художественных произведений. Причем данные приемы применяются как в литературно-художественном творчестве, так и в газетно-публицистической деятельности. Вообще плоды метафоризации очень часто и широко используются как средства газетной экспрессии, хотя споры о полноценности их функций и роли в этой области до сих пор не утихли. По словам В.Г. Костомарова, метафоры «могут предстать маркированным компонентом речевого контраста, необходимого газетно-языковой конструкции» [Костомаров 1971: 89]. В печатных СМИ, считает исследователь, они становятся лишь «строительными средствами формального характера», так как главенствующую роль здесь играет воздействующе-экспрессивное, а не художественное начало.

2.3. Проект по теме

**«От школьных стенгазет и журналов к современной публицистике»
(обобщение темы «Публицистический стиль» 7-9 кл.)**

Аннотация

21 век – это век новых технологий, которые прочно вошли в нашу жизнь. Современное образование не осталось в стороне. На данный момент мы наблюдаем внедрение технологий в образование как на уровне средств обучения, так и на уровне методов. Уже трудно представить себе школьный урок без мультимедиа, электронных учебников, компьютерных технологий. Они помогают наглядно показать учащимся те или иные явления науки и жизни; экономят время на уроке, повышают интерес и мотивацию учащихся. Нововведения очевидны и в самих методах получения образования. Современная школа - это школа, по большей своей части, проблемного обучения. Одним из способов реализации проблемного обучения является метод проектов. Технологию проектной деятельности мы использовали при изучении темы «Публицистический стиль» (7 – 9 класс).

Основное предназначение метода проектов состоит в предоставлении учащимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, требующего интеграции знаний из различных предметных областей. В своей работе мы развивали познавательные навыки учащихся, умения самостоятельно конструировать имеющиеся знания (стили речи изучаются с 5 класса), ориентироваться в информационном поле, формировали критическое и творческое мышление. Для полного достижения поставленных целей мы совместили традиционные методы (текстоцентрический подход) и новые технологии (метод проектов) обучения.

Нами был разработан проект, который нацелен на изучение публицистического стиля (7-9 классы) на основе традиционной программы Т.А.Ладыженской, под ред. Н.Н. Шанского. Выбор данной темы обусловлен

необходимостью обучения написанию задания «С» (развернутого ответа в форме сочинения рассуждения/эссе/рецензии). В основе проекта лежит работа учащихся над текстами современных научно – популярных журналов для детей и подростков «Мы», «Юный краевед», «Мир детей и подростков». Учащиеся через изучение журналов для детей и подростков, а в частности через тексты этих журналов, определяют основные цели и задачи публицистического стиля, знакомятся с разными жанрами (эссе, статья, интервью, заметка, очерк и т.д.).

Считаем, что такой подход к изучению стиля позволит осуществить не только обучающие цели, но и воспитательные: - во-первых, средства печатных СМИ освещают разнообразные вопросы жизни нашей страны и её проблемы; - во-вторых, тексты газет и журналов повышают интерес к изучению русского языка, так как дают учащимся разнообразную информацию и приобщают их к миру взрослых; - в-третьих, неоценима идейно-воспитательная ценность актуальных материалов газет и журналов, умело и целенаправленно привлекаемых учителем для воспитания чувства патриотизма, для развития интереса к событиям международной жизни; - в-четвертых, материал печатных СМИ на уроке русского языка позволяет учащимся быть в курсе событий, происходящих в нашей стране и за рубежом. Таким образом, тексты печатных СМИ способствуют не только развитию коммуникативных умений учащихся, но и воспитывают и просвещают во многих вопросах современной жизни.

Данный опыт необходим учащимся, так как ученик творчески развивается, воспитывается, развивает свой кругозор, учится работать в коллективе, управлять своей группой, формируются его лидерские качества. Благодаря таким проектам формируется человек с необходимыми способностями для нормальной жизнедеятельности в современном обществе.

Методическая база.

Целью проекта является изучение публицистического стиля через исследование журналов для детей и подростков, а также текстов этих

журналов, текстов, к собственным публицистическим текстам разных жанров и своему школьному журналу «Всезнай».

Задачи проекта: познакомить учащихся с современными научно-популярными журналами для детей и подростков «Мы», «Юный краевед», «Мир детей и подростков»;

1. Исследовать журналы для детей и подростков и выделить характерные черты публицистического стиля и его особенности;
2. На примерах текстов печатных изданий рассмотреть основные жанры публицистического стиля.
3. Приобщить учащихся к чтению текстов публицистических журналов;
4. Развивать коммуникативную культуру учащихся.

По итогам проекта ученик **должен**:

1. **Знать**: определение публицистического стиля, его особенности;
2. **Уметь**: определять жанры текстов публицистического стиля; выделять языковые средства публицистического стиля;
3. **Владеть**: навыками написания публицистических текстов разных жанров для школьного журнала «Всезнай».

По окончании проекта учащиеся совместно с учителем разрабатывают и выпускают свой школьный журнал «Всезнай», в котором будут печатать свои собственные тексты.

Использованная литература: научно-популярные журналы для детей и подростков «Мы», «Юный краевед», «Мир детей и подростков», учебники по русскому языку для 7-9 классов традиционной программы Т.А. Ладыженской, под ред. Н.Н. Шанского.

Техническая база: проектор, электронная доска, мультимедиа.

1.Подготовительный

Учитель проводит организационную работу по объединению учащихся, формирует творческие группы. Озвучивает проблему проекта и цель. Затем, предлагает темы на выбор учащимся для их работы. Участвует в обсуждении микротем. Помогает в составлении тезисов выступления учащихся.

Выделение микротем:

1. Понятие о публицистическом стиле(группа 1);
2. Журнал «Мы»(группа 2);
3. Журнал «Юный краевед» (группа 3);
4. Журнал «Мир детей и подростков» (группа 4).

Составление тезис – плана для работы в микрогруппах 2-4:

1. Название журнала/газеты;
2. Краткая история журнала/газеты;
3. Основные рубрики;
4. Особенности журнала/газеты;
5. Жанры текстов журналов и газет.

Учащиеся разбиваются на микрогруппы. Определяют тему своей работы.

2.Выполнение проекта

Учитель консультирует, корректирует материал, принимает участие в обсуждении с учащимися подтем проекта. Совместно определяют жанры выступления. Учитель контролирует процесс подготовки проектов учащихся.

Учащиеся собирают материал по своей теме, составляют план, выбирают жанр выступления, оформляют полученный материал для дальнейшего его представления.

Определение ресурсов, литературы:

1. Номера газет/журналов для исследования;
2. Интернет ресурсы;
3. Учебные пособия.

Выбор метода, жанра, стиля презентации.

- Стенгазета «Публицистический стиль» (группа 1);
- Интервью с редактором журнала «Мы» (группа 2);
- «Один день из жизни журнала «Мир детей и подростков» (группа 4);
- Презентация журнала «Юный краевед» с докладом (группа 3).

3. «Тихая» презентация

Учитель редактирует, уточняет и детализирует проекты микрогрупп, указывая на недочеты. Помогает соединить собранный материал в систему. Корректирует план и жанр проекта микрогруппы.

4. Публичное выступление,

«Громкая» презентация¹

Учитель выступает в роли эксперта, оценивает представленную презентацию, выступления учащихся, контроль знаний в разных формах.

Учащиеся представляют свои проекты всему классу.

- Стенгазета «Публицистический стиль» (группа 1);
- Интервью с редактором журнала «Мы» (группа 2);
- «Один день из жизни журнала «Мир детей и подростков» (группа 4);
- Презентация журнала «Юный краевед» с докладом (группа 3).

5.Рефлексия

Учитель подводит итоги занятия, комментирует и оценивает работу учащихся, стараясь выделить всех, чтобы дети поняли свои удачи /неудачи.

Учащиеся анализируют свое выступление, сдают оформленные материалы, используя прием «Тематического портфолио» (см.Приложение 1,2,3,4). Формируют опорный конспект «Публицистический стиль», которым учащиеся будут пользоваться в дальнейшем (В конспекте отразились: определение публицистического стиля, сфера употребления, жанры. Отличительные черты этого стиля от других).

6. Итог

Обобщив все знания о публицистическом стиле, ученики вместе с учителем разрабатывают свой журнал «Всезнай», в котором учитываются все специфики стиля и потребности аудитории.

Для всех желающих учитель дает дополнительное творческое задание: написать публицистический текст любого жанра для газеты или журнала

Публичная защита проекта

(сценарий)

1. Слово учителя.

Учитель: *«21 век - век информации и технологий. Общество все больше внимания обращает на информированность человека. Чем больше ты знаешь, и чем быстрее приобретаешь информацию об окружающем мире – тем успешнее ты в жизни. Чтобы быть всегда в курсе всех событий следует читать современные журналы и газеты.*

Цель урока: *Повторить уже имеющиеся знания по публицистическому стилю и познакомиться с его жанрами.*

Весь класс был разделен на четыре микрогруппы. Каждая группа получила задание для своего проекта. В течении 3-х недель вы работали над своими проектами. Сегодня каждая микрогруппа представит свою работу. После всех выступлений мы подведем итог и дадим оценку работе».

2. **Выступления учащихся по группам.**

Группа 1

(Стенгазета о публицистическом стиле с презентацией.)

Ученики представляют стенгазету «Публицистический стиль»

Ученик: *«Нами бала разработана стенгазета «Публицистический стиль», в которой мы наглядно представили суть этого стиля, его особенности и отличие от других стилей».*

Публицистический стиль – это функциональный стиль языка, основная функция которого – это воздействие на человека.

Функции публицистического стиля:

- Информационная - стремление в кратчайший срок сообщить людям о свежих новостях
- Воздействующая - стремление повлиять на мнение людей

Задача речи:

- воздействовать на массовое сознание
- призывать к действию

сообщать информацию

Публицистический стиль служит для воздействия на людей через СМИ (газеты, журналы, телевидение, афиши, буклеты). Этот стиль употребляется в сфере политико-идеологических, общественных и культурных отношений. Информация предназначена не для узкого круга специалистов, а для широких слоёв общества, причём воздействие направлено не только на разум, но и на чувства адресата.

Ученик: *«Публицистический стиль — функциональный стиль речи, основная функция которого воздействовать на слушателя или читателя.»*

Функции публицистического стиля:

- Информационная - стремление в кратчайший срок сообщить людям о свежих новостях
- Воздействующая - стремление повлиять на мнение людей

Задача речи:

- воздействовать на массовое сознание
- призывать к действию
- сообщать информацию»

Ученик: *«Публицистический стиль служит для воздействия на людей через СМИ (газеты, журналы, телевидение, афиши, буклеты). Этот стиль употребляется в сфере политико-идеологических, общественных и культурных отношений. Информация предназначена не для узкого круга специалистов, а для широких слоёв общества, причём воздействие направлено не только на разум, но и на чувства адресата.»*

Ученик: *«Лексика стиля имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, включает разговорные, просторечные и жаргонные элементы. Лексика, характерная для публицистического стиля, может употребляться и в других стилях: в официально-деловом, научном. Но в публицистическом стиле она приобретает особую функцию – создать картину событий и передать адресату впечатления от этих событий. Стиль характеризуется наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью, оценочностью, призывностью. В нём*

широко используется, помимо нейтральной, высокая, торжественная лексика и фразеология, эмоционально окрашенные слова, употребление коротких предложений, риторические вопросы, восклицания, повторы и др.».

Учитель: *«Хорошо. Давайте запишем основные положения публицистического стиля»* (работает весь класс):

Публицистический стиль — функциональный стиль речи, основная функция которого воздействовать на слушателя или читателя.

Сфера употребления: публичные выступления, средства СМИ.

Задачи: воздействовать на массовое сознание, призывать к действию, сообщать информацию.

Лексика: общественно-политическая, экспрессивно-эмоциональная, используются все пласты лексики (как книжная, так и разговорная).

Учитель: *«Учащиеся других микрогрупп исследовали журналы и представленные в них тексты. Пока группы будут представлять свои проекты, подумайте: Являются ли тексты журналов публицистическими? Ответ обоснуйте».* (самостоятельная работа учащихся)

Группа 2

Журнал «Мы» (интервью с редактором).

Ученик: *«Результаты исследования журнала наша микрогруппа решила представить в форме интервью с главным редактором - Будниковым Геннадием Васильевичем.*

Само интервью представлено как презентация.

В процессе беседы наша микрогруппа охарактеризовала журнал по заданному тезис-плану:

1. *Название журнала/газеты;*
2. *Краткая история журнала/газеты;*
3. *Основные рубрики;*
4. *Особенности журнала/газеты;*
5. *Жанры текстов журналов и газет.*

В конце нашей воображаемой «беседы» с редактором мы поздравили Геннадия Васильевича с пятнадцатилетием журнала и пожелали дальнейшей продуктивной работы».

Один ученик читает вопросы учеников в презентации, **другой ученик** ответы редактора

Группа 3

Журнал «Мир детей и подростков» (один день из жизни журнала).

Ученик: *«Свой исследуемый журнал наша микрогруппа решила представить через знакомство с составлением одного из выпусков журнала «Мир детей и подростков».*

Ученик: *«Через основные этапы формирования выпуска журнала мы раскрыли основные пункты, данные нам за основу, тезис-плана».*

Ученик представляет презентацию.

Группа 4

Журнал «Юный краевед» (сообщение с презентацией);

Ученик: *«Исследуемый нами журнал – «Юный краевед». Научно-популярный краеведческий иллюстрированный журнал для детей и юношества «Юный краевед» - это своеобразный путеводитель по России. Читатели смогут увидеть нашу страну от Владивостока до западных областей, от Архангельской земли до Курска».*

Ученик: *«Журнал дает представление о современном состоянии природы и культурной жизни различных регионов. Статьи в журнале доступны и интересны по содержанию, они могут служить примером для начала собственных изысканий, знакомят детей и юношество с малоизвестными уголками нашей страны, памятниками истории и культуры».*

В рубрике «Лаборатория краеведа» содержится алгоритм написания маленького исследования. Интересны разделы: «Точка на карте», «Работы твоих сверстников», «Музей своими руками», «Литературные маршруты», «Туристические тропы».

Ученик: *«В адрес журнала приходит немало авторских исследовательских работ, которые находят достойное место на его страницах. Любой ученик школы, студент или человек, который хочет опубликовать свою исследовательскую работу в журнале, может прислать ее в редакцию».*

Ученик: *«Для всех, кто любит историю и желает ближе узнать нашу прекрасную Родину, этот журнал станет интересным и долгожданным подарком, ведь ничего подобного еще не издавалось. Журнал «Юный краевед» отмечен дипломом конкурса «Золотой фонд прессы 2009»*

3. Рефлексия.

Учитель: *«Ребята представили свои работы. Скажите, понравилось или нет работать по такому методу?»*

Ученик: *«Мне понравились все работы. Видно, что участники старались. Материал был интересен и познавателен. Я открыл для себя новые журналы, которые буду читать».*

Ученик: *«Я считаю. Что такая работа помогла нам еще больше разобраться в стилях русского языка. И теперь я никогда не ошибусь».*

Ученик: *«Мне понравилось. Особенно исследовать журналы. Это нестандартно и интересно».*

4. Коллективная итоговая работа.

Учитель: *«Каждая микрогруппа провела исследовательскую работу в своем проекте. Мы с вами определили основные черты публицистического стиля. Перечислите их».*

Ученик: *«Публицистический стиль служит для воздействия на людей через СМИ (газеты, журналы, телевидение, афиши, буклеты). Этот стиль употребляется в сфере политико-идеологических, общественных и культурных отношений. Информация предназначена не для узкого круга специалистов, а для широких слоёв общества, причём воздействие направлено не только на разум, но и на чувства адресата».*

Учитель: *«Я просила вас подумать над вопросом: являются ли тексты журналов публицистическими? Почему? Напишите сейчас ответ в форме*

эссе (В эссе должны быть отражены следующие тезисы: тексты сообщают информацию, есть точка зрения автора, и он призывает к диалогу читателей, побуждает к осмыслению проблемы и выражению своей мысли. Написаны тексты доступным для читателя языком, практически нет терминов и терминологической лексики, в основном слова общеупотребительные.)»

Читаем 2-3 эссе, разбираем их .

Учитель: *«Как итог нашего занятия, мы попробуем составить свой собственный журнал о жизни в школе».*

5. Разработка журнала.

Методические рекомендации учителя.

Данный проект можно использовать как на уроках объяснения нового материала, так и на заключительных занятиях по теме. Так же в работу могут быть вовлечены учащиеся 7-9 классов.

При работе необходимо пройти все этапы проектной деятельности. Учитель - тьютор для учеников. Он помогает и проверяет работы.

Особое внимание нужно обратить на этап «тихой»презентации – это первое представление учащихся своих работ. Здесь учитель сразу выявляет недостатки работы, помогает их исправить и дает правильное направление для дальнейшей работы учащихся.

На этапе «громкой» презентации группы представляют уже готовые работы.

Представленный проект – это современная разработка занятия на основе проектно-исследовательской технологии. Результаты деятельности по созданию проекта газеты наглядно свидетельствуют об интересе учащихся к работе, об их достижениях. Данная деятельность позволяет развивать у учащихся творческие способности, коммуникативные умения, способность работать в коллективе и мыслить нестандартно.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Категории эмоциональности и экспрессивности как компоненты коннотации обеспечивают способность слова выступать средством выражения субъективного отношения говорящего к содержанию или адресату речи. В лингвистической литературе эти категории разграничены. Однако на практике оказалось достаточно сложно выделить чисто эмоциональные лексемы, не несущие экспрессивной нагрузки.

Функциональное назначение используемых в публицистическом стиле слов и выражений неодинаково: среди них можно выделить нейтральную лексику и фразеологию и стилистически окрашенную, оценочную. Отмеченные отличительные признаки газетно-публицистического стиля (социальная оценочность, коммуникативная общезначимость, особый характер экспрессивности) носят по преимуществу языковой характер, проявляются на уровне языка.

Экспрессивность публицистики, как и образность художественной литературы, имеет системный характер и не сводится к метафорам, сравнениям, эпитетам и т.д. Экспрессивно значимыми в публицистике оказываются все языковые средства, поскольку все они воплощают публицистическую идею. Именно поэтому в публицистике (как и в художественной литературе) столь важна проблема выбора точного и яркого, действенного и выразительного слова. Основу же системности экспрессивных средств публицистики составляет оценочность.

Как и всякий другой функциональный стиль, публицистический – явление историческое, а следовательно, претерпевающее изменения. Стилистика газеты обнаруживает заметные новации, не изменяя, однако, своих основных принципов и специфических черт. Одной из характерных черт проявления экспрессивности в газете становится стихия проникновения языковых средств, характерных для устно-разговорной речи и просторечия, что придаёт ироничность, афористичность, оценочность.

В результате анализа текстов СМИ выявлено, что основная выразительная нагрузка ложится в газете на использование иностилевой и церковнославянской лексики. каламбура, метафоры. Все это не только украшают текст, но и помогают осмыслить действительность, структурируя ее и смещая акценты. Некоторые изначально выразительные средства языка, употребляемые в печати, постепенно превращаются в штампы, которые являются одним из воплощений стандарта. Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы отвечали лучшим культурным традициям.

На газетной полосе можно найти практически весь перечень экспрессивных лексем, проследить их функциональные особенности, увидеть, насколько ярче, эффективнее, выразительнее становится речь, умело использующая средства выразительности.

Церковнославянская лексика, изначально возвышенная, для журналистов зачастую является лишь элементом языковой игры, а не приверженностью традиционным ценностям. Мы считаем, что такое использование конфессиональной и церковнославянской лексики – ложная экспрессивность текста.

Огромным потенциалом эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя обладает каламбур. Это краткий, ёмкий, но особенно экспрессивный и точный приём привлечения внимания читателя.

Таким образом, высказывание Виталия Григорьевича. Костомарова о том, что «без материалов, извлечённых из газет, сейчас становится всё более невозможным изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлении», и сегодня остается бесспорным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акимова Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Вопросы языкознания. – 1987 г. - № 4.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. - М., Изд-во «Восточная литература» РАН, 1995.
3. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Филологические науки. – 1975 г. - № 1.
4. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация. - М., Наука, 1991.
5. Балли Ш. Французская стилистика /Ш. Балли. М.: 2001.
6. Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика. - М.: 1989 г.
7. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. - М., 2000.
8. Блумфилд Л. Язык. - М.: Прогресс, 1964 г.
9. Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания.- 1954 г. - № 3.
10. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н. Практическая стилистика русского языка. - М.: 1982.
11. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
12. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. - М.: 1982 г.
13. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. - М.: 1981 г.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.:2003г.
15. Воскобойников Я.С., Юрьев В.К. Журналист и информация. - М., 2009.
16. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1997. - №3.
17. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М.: 1958 г.
18. Говердовский В.И. История понятия «коннотация» //

Филологические науки. - 1979 г. - № 2.

19. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации // Вопросы языкознания. – 1985 г. - № 2.

20. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001г.

21. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. - Новое в лингвистике. - М.: 1960 г.

22. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. - М.: 1969 г.

23.Журбина Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. - М., 2009.

24.Ильин В.Я. Особенности журнальной и газетной рекламы. М.: Наука,- 2005.

25. Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / 2-е изд. М.: 2000.

26.Кожина М. Н. Стилистика русского языка. - М.: Просвещение, 1983

27. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.Стилистика русского языка. – М.: 2008 г.

28. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: 1969 г.

29. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: 1971 г.

30. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.:1997 г.

31. Миль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной. - М.: 1964 г.

32. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: 1984 г.

33. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект // Вопросы языкознания. – 1979 г. - № 3.

34. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. - М.: 1974 г.
35. Ревзина О.Г. О понятии коннотации. Языковая система и её развитие во времени и пространстве. - М., Изд-во МГУ, 2001.
36. Сапожникова О.С. К семантической систематизации коннотативных значений. - М., 2003.
37. Славе Е. Коннотация // Общественные науки за рубежом. Языкознание. - 1976 г. - № 3.
38. Солганик Г.Я. Лексика газеты. - М.: Высшая школа, 1981 г.
Солганик Г. Я. Стилистика русского языка. - М.: Дрофа, 1996
39. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филологические науки. – 1997 г. - № 2.
40. Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. – 1984 г. - № 1.
41. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М.: 1991 г.
42. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций. - М., 2003. № 3.
43. Третьякова Г.Н. Речевое воздействие в устной коммуникации // Теория коммуникации. Языковые значения: Сб. науч. статей // Отв. ред. З.А. Харитончик. - Минск: МГЛУ, 2000.
44. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976 г. - № 3.
45. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. - М., 1998.
46. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж, 1987. - С. 190
47. Швец А.В. Публицистический стиль современного русского литературного языка. – Киев: 1979 г.

48. Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях.
- М.: 1977 г.

49. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Под
ред. Д.Э. Розенталя - М., 2008.